

АЛЕКСАНДР
СТЕСИН

АФРИКАНСКАЯ
КНИГА

Александр Стесин
Африканская книга

«НЛО»

2019

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Стесин А. М.

Африканская книга / А. М. Стесин — «НЛО», 2019

ISBN 978-5-4448-1354-6

Для русского читателя Африка – до сих пор *terra incognita*. Ее разнообразной географии соответствует изобилие самобытных и абсолютно не похожих одна на другую культур. Александр Стесин – писатель, поэт и врач – уже много лет проводит в поездках по этому еще не до конца изученному континенту, погружаясь в его быт и историю. Он лечит тиф в пустыне и малярию в джунглях, изучает языки суахили и чви, собирает маслята на Мадагаскаре, сравнивает кухни Сенегала и Сомали, переводит здешних классиков и современных авторов. Перед нами новый для русской литературы тип африканского текста: через сто лет после путешествий Н. Гумилева Стесин оказывается посредником между культурами, расколдовывает давно сложившиеся стереотипы о континенте, которому, возможно, предстоит определять будущее.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4448-1354-6

© Стесин А. М., 2019
© НЛО, 2019

Содержание

Вернись и возьми	5
Часть I. Бриджпорт	5
Часть II. Эльмина	31
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Стесин

Африканская книга

Вернись и возьми

*Obosomakotere nam brebre
Obeko aburokyire¹.*

Из текстов «Говорящего барабана»

Часть I. Бриджпорт

1

«Чужестранец подобен ребенку: все замечает и мало что понимает», – гласит африканская пословица. Весь первый месяц я работал в дневную смену, понемногу приглядываясь и привыкая к новой жизни. Благотворительный госпиталь Сент-Винсент, находившийся среди развалин и трущоб городского гетто, выглядел на удивление ухоженным. В просторном вестибюле стояло механическое пианино, которое одаривало дневных посетителей ностальгическим попури. В больничном ларьке продавались открытки и плюшевые игрушки – на случай, если кто пришел навестить больного с пустыми руками. На втором этаже располагались конференц-зал и небольшая библиотека. По утрам из репродуктора доносился умиротворяющий голос штатного священника. Голос обращался к пациентам и работникам госпиталя, наставляя их проповедью или вдохновляя молитвой. Сам священник, оказавшийся долговым человеком с волосами, глазами и кожей одного и того же пепельного оттенка, в белом халате поверх рясы, появлялся, точно по мановению волшебной палочки, всякий раз, когда дело доходило до сердечно-легочной реанимации. Раз за разом, приступая к грудным компрессиям под писк мониторов и перепалку медсестер, я видел его осанистую фигуру, ждущую в дверях палаты с готовностью в любую минуту прочитать молитву за упокой. «И вы здесь, отец Дэн?» – «Да вот пришел подстраховать...»

Полгода назад я подал документы в одну из международных организаций, занимающихся медицинской благотворительностью, получил назначение в Гану, но в последний момент поездка сорвалась. И вот теперь, подписав годичный контракт с католическим госпиталем, обслуживающим городок под названием Бриджпорт в ста милях от Нью-Йорка, неожиданно оказался в той самой Гане.

О том, что это Гана, я узнал на собеседовании с возглавлявшей приемную комиссию Викторией Апалоо. Выслушав мое старательное бормотание о «Врачах без границ», о давнем увлечении культурой ашанти и еще бог знает о чем, Апалоо одобрительно кивнула. «Можешь считать, что тебе повезло. У нас в больнице работает много врачей из Африки, причем большинство – как раз из Ганы. Тут, можно сказать, центр ганской диаспоры, я другого такого места в Америке и не знаю. Так что у тебя будет возможность подготовиться: выучить язык

---

¹ Как устал наш хамелеон, / Все стремится за море он (*ашианти-чви*). Переводы с других языков далее в повести оговариваются особо.

и вообще... А через год, если захочешь, мы тебе и без Красного Креста запросто подыщем работу в Аккре или в Кумаси».

Ганцы составляли примерно половину ординаторского коллектива. Вторая половина делилась на африканских соседей (Нигерия, Гамбия, Камерун), представителей Индийского субконтинента и остальных. Доктор Виктория Апалоо, дочь верховного судьи Республики Гана, заведовала ординаторской программой, а ее муж, Кофи Аппия Пэппим, – отделением реаниматологии и интенсивной терапии. Они и организовали здесь «ганский филиал», несмотря на приглушенные протесты старорежимных коллег, через не могу усвоивших азы политкорректности. По слухам, один из потесненных зубров все же не удержался и за несколько дней до ухода на пенсию выразил свои мысли на закрытом собрании: «С тех пор как эти двое захватили власть, наша ординатура год от года становится все чернее и чернее».

Пэппим славился фотографической памятью и невероятной способностью производить любые арифметические подсчеты в уме со скоростью калькулятора. Раз в неделю он проводил семинары по реаниматологии. Его лекции, которые посещали и конспектировали даже седовласые светила, были отшлифованы не хуже, чем текст из учебника. При этом было известно, что Пэппим никогда не готовится заранее и не повторяет одну и ту же лекцию дважды. Единственным, что повторялось из раза в раз, было короткое лирическое отступление, история под занавес о человеке, некогда преподававшем Пэппиму реаниматологию в Гане. «Этот человек любил делать трехчасовые доклады, – рассказывал Пэппим, – и, переходя к следующему пункту, всегда говорил *ну, и в заключение...*, и все вздыхали с облегчением, пока наконец не поняли, что *и в заключение* у него – просто вводная фраза... Итак, в заключение...»

В местной ганской общине Пэппима любили единогласно и столь же единогласно жалели о том, что он выбрал в жены представительницу племени эвэ. Говорили, что женщины эвэ известны своей авторитарностью, так что Пэппиму волей-неволей приходится подчиняться Апалоо – как дома, так и в больнице. Сам он принадлежал к племени ашанти и, как многие ашанти, обладал благородной внешностью. Его вполне можно было бы представить в роли вождя или честного политика на обложке журнала «Тайм» («Человек года»). Да и пестуемый им образ африканского мужа (в обоих значениях слова) был под стать: приветливость и мягкость в обращении, сочетающаяся с внутренней жесткостью, консервативность взглядов, абсолютная серьезность отношения к семье и работе, точное знание, как надо и как не надо.

На фоне отпугивающей безупречности мужа импульсивная и суетливая Апалоо вызывала скорее симпатию. Даже в ее так называемой авторитарности было что-то располагающее. В больнице она имела власть, но популярностью не пользовалась, о чем и сама говорила во всеуслышание. Вообще говорила все, что думает, – часто на повышенных тонах. Мне нравился ее африканский акцент, гласные, растягиваемые таким образом, что кажется, человек всегда говорит с улыбкой, даже когда ругается. Замечательные фонетические ошибки – почти что оговорки по Фрейду: в словосочетании *antisecretory medications*² вместо *antisecretory* звучало *anti-secretary*³, а слово *therapist*⁴ она произносила так, что слышалось *the rapist*⁵.

Во время утренних пятиминуток Пэппим слушал отчеты ординаторов, одновременно читая новости с веб-сайта «Гана-ньюз». Казалось, он вообще не слушает, но стоило ординатору ляпнуть что-нибудь не то, как Пэппим тут же начинал отчаянно мотать головой: «Все неправильно, все неправильно. Разве это респираторный алкалоз? Перепроверь, пожалуйста, по формуле Винтерса». Под его руководством в отделении реаниматологии не допускалось

² Противосекреторные препараты (англ.).

³ Против секретарши (англ.).

⁴ Терапевт (англ.).

⁵ Насильник (англ.).

ошибок, не было сбоев. Даже Смерть работала по строгому расписанию, дожидаясь ночной смены, когда рядом не окажется никого, кроме дежурного ординатора и вездесущего отца Дэна.

К. М., 53 года. Кардиомиопатия и застойная сердечная недостаточность, болезненное ожирение и диабет, гипертензия воротной вены, почечная болезнь в последней стадии... Перечень его диагнозов тянется, как железнодорожный состав, чьи вагоны невозможно пересчитать, не сбившись со счета. В больницу он попадает не реже чем раз в три недели. Лучшее, что мы можем предложить ему, – это паллиативная помощь. Одышливый и отечный, он лежит на животе и, вскинув брови, доверчиво смотрит на интерна. Миссис М., не менее отечная и одышливая, сидит у изголовья, сосредоточенно поглощая журнальные сплетни. «На что жалуетесь?» Приподнявшись на локтях, М. со знанием дела просит повысить ему дозу мочегонного и выписать справку – «для работы». Глядя на него, невозможно поверить, что он в состоянии справляться с какой бы то ни было работой. «А кем вы работаете?» – «Охранником».

Молодые врачи в Сент-Винсенте, как и везде, спешили на работу ни свет ни заря в отутюженных белых халатах, вкалывали по восемьдесят часов в неделю, набрасывались на залежавшуюся бесплатную пищу, заводили романы с медсестрами, поносили начальство и пациентов, варились в собственном соку. Пожилые врачи ходили без халатов, отечески похлопывали по плечу молодых, никогда не помня, как их зовут, внушали доверие пациентам, гоняли накатанный репертуар прибауток и любимых случаев из практики, неусыпно следили за новостями биржи, отставали от времени. Пациенты, в большинстве своем не имевшие медицинских страховок и потому поступавшие с обострениями уже давно перешедших в хроническую стадию заболеваний, задерживались и возвращались, привыкали к постельному режиму и больничной пище, готовились к худшему и, выходя на непродолжительные прогулки в сопровождении сиделок, с рассеянным удивлением оглядывались на механическое пианино.

«В общем, Сент-Винсент – неплохое местечко, только сегрегации многовато», – резюмировал нигериец Энтони Пол Оникепе. Худощавый парень с близоруким прищуром и аккуратной козлиной бородкой, он почему-то напоминал мне молодого Чехова с хрестоматийных фотографий (если Чехова представить нигерийцем). Даже круглые очки, которые он то и дело прикладывал к переносице не надевая, походили на чеховское пенсне. А может быть, он просто ассоциировался у меня с Чеховым из-за своего имени: Энтони Пол. Во всяком случае, пьес он, кажется, не писал и о русском тезке знал так же мало, как я о его любимом Сиприане Эквенси.

К моменту нашего знакомства Оникепе отбывал второй год «ординаторской повинности». Он стал моим первым напарником, когда после месяца легкой жизни меня перевели на ночную смену. До этого мы встречались несколько раз на консилиумах, но толком не познакомились. Говорили, что на государственном лицензионном экзамене он набрал какое-то неслыханное количество очков и получил поздравительное письмо чуть ли не от самого министра здравоохранения.

– Босс! – поприветствовал он меня в начале нашего первого дежурства.

– Кто?

– Ты, кто же еще. Ты – босс, ты уже третью неделю тут дежуришь, а я только заступаю.

– Да, но до этого я дежурил в дневную, под присмотром Пэппима. Это не то же самое.

– Не переживай, босс, все будет нормально.

Мы расположились в ординаторской.

– Так ты, я слышал, собираешься в Гану. Но ведь ты же из России. Зачем тебе Гана? Если уж приспичило куда-то ехать, то почему бы не в ту же Восточную Европу?

– Нельзя все время смотреть в одном направлении – шея одеревенеет.

– О, ты уже и поговорками начал говорить. Совсем как африканец. Слушай, а в России люди ходят с оружием или без?

– Да вроде без. Как-никак в мирное время живем.

– А-а, – протянул он с явным разочарованием и открыл ноутбук.

– То есть кто как, наверное... Хулиганов везде хватает.

– Это уж точно. – Он разом оживился и отвел глаза от ноутбука. – У нас в Нигерии такое бывает, что этим неженкам-американцам и не снилось.

– Могу себе представить. – Я снова попал не в ту тональность. Взгляд моего собеседника уже скользил по экрану ноутбука. – Вернее, нет, не могу, конечно, представить себе, как у вас там, в Нигерии. Неужели прямо так с оружием все и ходят? И стреляют? Среди бела дня?

Ноутбук захлопнулся.

– В общем, слушай. Еду я как-то домой с работы. В бардачке, понятное дело, смит-вессон. Время позднее, дорога пустая. Вдруг вижу: хвост за мной увязался. Я сразу смекнул, что это такое. Киднеппинг. У нас это в последнее время часто встречается. Охотятся на врачей, адвокатов, на состоятельных людей, в общем. Берут в заложники, и семья выплачивает сколько есть. Короче, едут они за мной всю дорогу, не отстают. Главное, фар не включают. А я их специально повез окольными путями, чтобы проверить. Часа два катались. И вот вывез я их на окраину города, там уж совсем безлюдно. Всё, думаю, парни, покатались, и хватит. Резко торможу – они в меня чуть не врезались. Достаю смит-вессон, открываю окошко и – бац, бац! – делаю два предупредительных выстрела в воздух. Ты бы видел, с какой скоростью они развернулись и начали от меня улепetyвать! Или вот еще. Просыпаюсь я раз ночью, слышу в саду у нас какое-то шепуршание. Подхожу к окну, смотрю: так и есть, грабитель. Беру отцовскую винтовку, открываю тихонечко дверь на балкон. Ни с места, падла! Он стал как вкопанный, пялится на меня. Говорит: что ты собираешься делать? А ничего, говорю, не собираюсь делать. Так постоим. Утром мой батя проснется – вызовет полицию. Стой, говорю, и жди. Если шевельнешься, прикончу тебя в два счета. Так до утра с ним и простояли.

– А потом?

– А потом все, как я сказал. Проснулся отец, вызвал полицию, повязали ворюгу... Ну, теперь твоя очередь. Как там, в России?

Я принялся перебирать размытые акварели детской памяти в поисках какого-нибудь подходящего эпизода. Блеклое воспоминание о том, как на большой перемене сражались с вихрастым Лешей Даниловым из шестого «Б», не вдохновляло. Наконец, так и не вспомнив ничего остросюжетного, я решил обратиться к чужому опыту и стал пересказывать лагерные страшилки, которых наслушался на Северном Урале. Пересказывал через пень-колоду, так и не решив, от чьего лица ведется повествование. Энтони подбадривающе кивал, периодически хмыкал и цокал, а дослушав до конца, выразил удовлетворение и повторил, что «неженкам-американцам такое не снилось». Я с важным видом поддакнул. Каждый из нас был доволен тем первым впечатлением, которое сумел произвести на другого. Оставалось только достать традиционную чекушку и выпить за русско-нигерийское братство. Вместо чекушки Энтони извлек из портфеля упаковку овсяного печенья. «Будем считать, что это печенье у нас вместо ореха кола. В Нигерии этим орехом принято угощать в знак дружбы».

Заголосили пейджеры. «Срочный вызов, срочный вызов! – подхватил настенный динамик. – Восьмой этаж, палата тридцать один». Энтони торопливо завернул остатки печенья в салфетку и, сунув в нагрудный карман, махнул: айда. «Главное, не нервничай», – бросил он, пока мы неслись по коридору.

К нашему прибытию в палате уже царила неразбериха. Мониторы и прочие устройства звенели на все лады. Медсестры сновали туда-сюда, перекрикивали друг друга, безуспешно пытались выпроводить рыдающую семью. Протискиваясь к постели больного, я тормошил то одного, то другого из присутствующих медиков в попытках получить хоть малейшие сведения:

я, как и Энтони, видел этого пациента впервые. Но толку ни от кого было не добиться, а медкарта, как всегда, куда-то запропастилась. И тогда я увидел Энтони Оникепе в действии. Он стоял в боевой стойке – широко расставив ноги, слегка запрокинув голову – и спокойным голосом отдавал распоряжения. Пока я, путаясь в формулах, вычислял оптимальные параметры для ИВЛ, он уже диктовал эти параметры респираторному терапевту, шпарил дозировки и последовательность введения нужных препаратов. Мельком взглянув на распечатку ЭКГ, моментально назвал редкий тип аритмии и связанный с ним синдром. Через пять минут он и без медкарты уже знал всю историю болезни. Когда давление и пульс были стабилизированы, он повернулся ко мне.

– Ну что, босс, надо ставить подклюд. Ты умеешь?

– Умею. Но ты, если что, подстрахуй, ладно?

– Э-э... Видишь ли, мне противопоказано прикасаться к катетерам, скальпелям и прочим процедурным штуковинам. Это опасно для меня самого, не говоря уже о пациенте. У меня, босс, руки из жопы растут. На тебя вся надежда.

В это верилось с трудом. Скорее всего, он предоставил мне катетеризировать подключичную вену, чтобы я почувствовал, что и от меня есть какая-то польза.

– Сколько лет ты проработал врачом до поступления в здешнюю ординатуру? – спросил я, когда мы возвращались в ординаторскую.

– В Нигерии-то? Да всего полтора года.

– Тогда давай колись: в чем секрет твоего мастерства?

– А я шахматист... То есть был шахматистом, когда в школе учился. И на уроках вместо того, чтобы слушать, все время в уме партии проигрывал. На ходу сориентироваться нельзя, тем более когда вокруг тебя галдят медсестры. Этого никто не умеет. Надо заранее проигрывать все возможные партии. Кто больше партий знает, тот и гроссмейстер.

На следующий вечер все повторилось точь-в-точь: овсяное печенье, маловероятные истории о стычках с нигерийскими бандитами (этих историй у моего напарника было пруд пруди, и рассказывал он их взахлеб, как насмотревшийся боевиков третьеклассник). Затем дребезжание пейджеров, перебежки от одного срочного вызова к другому, медицинское всеведение Энтони и моя беспомощность, якобы компенсируемая успешным введением центральных катетеров. То же самое было и на третий день, и на четвертый. Через неделю уже почти не верилось, что в жизни бывает что-то еще. В дневное время я отсыпался. А к вечеру, с трудом пробудившись, напяливал хирургическую пижаму и белый халат, накачивался кофе, шел по опустевшему этажу мимо пропускного пункта и справочной будки, где пожилой вахтер, день и ночь указывающий посетителям, как пройти в стационар, привычно тычет указательным пальцем в пустоту коридора, будто пытается ее проткнуть или нажимает на какую-то невидимую кнопку. В пятом часу утра обычно наступало затишье. Я укладывался на скрипучую койку в дежурной комнате и пытался заснуть, положив пейджер рядом с подушкой. Но сон, как вода, послушная закону Архимеда, не давал погрузиться в себя до конца и в какой-то критической точке засыпания выталкивал сознание обратно на поверхность.

«Чтобы я здесь твоих ругательств больше не слышал! Вернешься за решетку, там будешь материться!» Сизоносый лендлорд Берни орет на одного из жильцов. «Ишь ты, блюстителю порядка нашелся! Да у тебя в здании крэком торгуют направо и налево, ты у меня, сука, сам скоро сядешь!» Они топчутся у входа в подъезд, набычась и напирая грудью, но до драки не доходит. Оба в стельку. «Эй Джей! Эй Дже-э-э-й!» Это неугомонная Лиз из квартиры 3А кличет свою собаку. Лиз – вольная птаха со справкой («шизоаффективное расстройство»). Без работы и без пособия. С жилплощадью она только потому, что подруга лендлорда Берни. Ее

прокуранный голос можно услышать в любое время суток, и всегда – один и тот же надрывный зов. Эй Джей не отзывается.

Через дорогу виднеются декорации в стиле «после бомбежки». Лет тридцать назад там начинали строить что-то основательное, да так и не начали. Реалии гетто – это почти родное, знакомое чуть ли не с детства. Свои первые два года американской жизни я провел в «черном» районе Чикаго, там и английский выучил, в связи с чем некоторое время говорил с русско-негритянским акцентом. Те же измалеванные граффити кирпичные здания, зарешеченные окна с выбитыми стеклами, лианы пожарных лестниц.

Огорошенные безденежьем и культурным шоком родители были готовы почти на всё, но, взглянув на эти фасады, кое-как сориентировались и подыскивали нам комнату на троих в студенческом общежитии. Так что о том, как выглядят пресловутые «проджекты» изнутри, я узнал только год спустя, когда впервые попал в гости к пуэрториканцу Масео, моему не то чтобы закадычному, но единственному о ту пору другу. Увидав меня на пороге, отец Масео не стал скрывать своего удивления: «Эй, Масео, ты что, совсем спятил, сынок? На хера ты притащил сюда это белое чмо?» – «Да какой же он белый, пап? Он – Russian».

Когда запас нигерийских небылиц наконец иссяк, Энтони переключился на разговоры за жизнь, которые неизбежно сводились у него к обсуждению расовых отношений.

– Ну и как тебе наше богоугодное заведение? – спросил он, подводя беседу к излюбленной теме.

– Пока что мне всё нравится, – отчеканил я, как истинный американец.

– Да, Сент-Винсент – неплохое местечко. Только сегрегации многовато.

– В каком смысле?

– В прямом. Ты думаешь, у нас тут дружба народов, медики-всех-стран-соединяйтесь? Черта с два. Африканцы отдельно, индусы отдельно, евреи отдельно. Врачи и медсестры порознь. Каждый обороняется и держится своих. Ты еще не знаешь всех наших подводных течений. Даже среди африканцев. Тут правят ганцы, а я – нигериец. Нигерийцы и ганцы друг друга терпеть не могут.

– Ну, у соседствующих народов, кажется, всегда так.

– Верно. Только нигерийцы – это не народность, а пятьдесят народностей. То же самое и в Гане.

– Но ведь ганцы взяли тебя в ординатуру.

– Взяли. Но считаться со мной здесь стали только после того, как я получил высший балл на их ординаторском экзамене.

– Да, я уж слышан об этом экзамене. Ты там, насколько я понял, побил все рекорды.

– Было дело. – Энтони хлопнул себя в грудь, погрозил кулаком невидимому врагу и потянулся за овсяным печеньем. С минуту он молча жевал, как будто с трудом припоминая, о чем только что собирался говорить. – Сегрегация, сегрегация... Да! Тут ведь вот еще что: у каждого человека должна быть своя этническая неприязнь. Должна быть хоть одна группа людей, которую ты не любишь. Всетерпимость – это выдумка бывших линчевателей. Человек не может жить без предрассудков. Я, например, недолюбиваю арабов и персов. Могу даже сказать почему.

– Ну и почему?

– Из них выходят плохие врачи. Они наплевательски относятся к пациентам.

– Хорошо, а что ты в таком случае скажешь об африканцах?

– Африканцы к пациентам относятся хорошо. Африканцев, если ты, конечно, не отпетый расист, легко любить, пока не сойдешься с ними поближе. Наш конек – личное обаяние.

- Да ты, похоже, никого не любишь. Кроме пациентов.
- Ну что ты, я не мизантроп. Это – к Нане. Ты, кстати, знаком с Наной?
- С какой из них?
- С медсестрой. Нана Нкетсия. Она у нас в реанимации по ночам работает.
- Нет, кажется, не знаком.
- Тогда пойдем, пока пейджер молчит, я вас познакомлю.

Наной в Сент-Винсенте называли всех и каждого. На языке чви *нана* означает вождь. Среди молодежи это слово используется в качестве дворового обращения, что-то вроде «начальник». «Нана, – кричали друг другу лихие ганские парни, – завтра на ковер к Пэппиму!» Во втором значении «нана» – это бабушка. Ашанти и другие аканские племена часто называют детей в честь предков, причем обозначение родственной связи тоже является частью имени. Скажем, если имя бабушки, в честь которой назвали внучку, было Эси, то девочку так и будут звать: Нана Эси – Бабушка Эси. Во взрослом возрасте вторая часть обычно отбрасывается и остается просто Нана – распространенное женское имя.

– Нана Нкетсия!

– Ога!⁶

– Этэ сэйн!⁷ Вот познакомься: Алекс, мой новый напарник. Бывший сибиряк и будущий ганец.

– Бывает, – сочувственно сказала Нана.

У нее были огромные зеленые глаза и темно-оливковая кожа. Я попытался угадать составляющие фенотипа: вряд ли она была чистокровной африканкой, но и на мулатку не похожа, скорее какая-то островитянская примесь. Так или иначе, это была красавица каких поискать.

– Нана у нас принцесса в изгнании. Мало того, она исключительный кулинар. Чем ты нас сегодня угостишь, Нана?

– На тебя не напасешься. – Нана открыла медсестерский холодильник и достала кастрюлю с яствами.

Пока Нана распределяла еду по бумажным тарелкам, Энтони принес из палаты чистую простыню, постелил ее на полу, и через пять минут мы сидели уже не в дежурке, а в африканском оби, где, принимая гостей, разламывают орех кола и рисуют мелом ритуальные узоры. «Чувствую, сейчас нас вызовут», – вздохнул Энтони, все время ждавший от жизни какого-нибудь подвоха. И оказался прав.

Мануэля С., 46 лет, доставили в травмпункт вместе с супругой. Встав спозаранку, С. зарядил револьвер, выстрелил в собиравшуюся на работу жену, затем застрелился сам. «Скорую» вызвал их сын, Мануэль-младший. Каким-то чудом оба супруга остались живы, но глава семьи об этом никогда не узнает: его привезли уже в состоянии церебральной смерти и теперь держат на вентиляторе исключительно в качестве потенциального донора для пересадок. Мануэль-младший растерянно переминается с ноги на ногу, стоя рядом с носилками, на которых лежит его мать. С трудом выдавливая членораздельную речь, она дает ему указания: «Позвони в школу, скажи, что заболел. Позвони бабушке, скажи, что останешься у нее».

2

– Ну, что у вас тут?

---

⁶ Большой человек (*йоруба*).

⁷ Приветствие ашанти, дословно: «Как оно?»

– Да вот, доктор, пациент порывается сбежать, говорит, что опаздывает в школу. Может, пять миллиграмм галоперидола?

Желтушный дистрофик с раздутым пузом и запекшимися губами, лавирующий между белой горячкой и синдромом Корсакова, – привычное зрелище в любой городской больнице. Однако в Сент-Винсенте их количество было поистине рекордным. По ночам к ним навевались невидимые гости, и скромный католический госпиталь превращался в «лес тысячи духов». Даже в ординаторской не удавалось укрыться от этой фата-морганы – только и слышишь, как из одной палаты всю ночь доносится: «Лэрри, это ты? Лэрри!»; а из соседней: «Дядя Патрик? Где дядя Патрик?» С тех пор как из Бриджпорта вывели последнее крупное предприятие, алкоголизм стал основным занятием мужского населения города.

Человек-скелет лет пятидесяти метался в кровати, силясь высвободиться из медицинских наручников.

– О-о, так это же наш старый знакомый Джон Макпадден! – почти обрадовался мой напарник. – Я его три недели тому назад в приемнике откачивал. Как самочувствие, Джон?

Человек-скелет перестал метаться, злобно посмотрел на Энтони и сказал неожиданно твердым голосом: «Мне надо в школу».

– Зачем тебе в школу, Джон? Посиди дома, завтра пойдешь. Я тебе справку выпишу. Скажем учительнице, что ты заболел.

Как ни странно, увещевания подействовали. Пробормотав что-то обиженно-невнятное, больной еще пару раз дернул наручники и устало опустил голову на подушку. Через три минуты он уже спал.

– Ну что? – оскалился Энтони. – Как тебе мой пациент?

– Делириум тремор, страшное дело.

– Ошибаешься, босс. Он бросил пить полгода назад. Это – энцефалопатия. У него печень отказала, а заодно и все остальные органы. Когда он к нам поступил, хирурги думали делать анастомоз, но теперь об этом, конечно, речь не идет. Если его положить на операцию, он на операционном столе и умрет. А без операции умрет тем более. Шах, мат. Я уже говорил с его сестрой – она у них принимает все решения. Согласилась на хоспис. Но он, я боюсь, и до хосписа-то не дотянет.

– А что собой представляет сестра?

– Сестра у него хорошая. И брат хороший, Брайан. Они его каждый день навещают. Надо будет завтра пораньше прийти, чтобы их застать. Брайан живет в Колорадо, неделю назад прилетел. Жалко их очень.

В паллиативном отделении, куда Макпаддена вскоре перевели из реанимации, уход за пациентом вели в основном медсестры. Чтобы периодически менять капельницу с морфием в ожидании смерти, врачи не нужны. Каждый вечер мы с Энтони заходили к нему на пять минут по пути на дежурство. Джекки Макпадден, дежурившая у постели брата денно и ночью, давала нам подробные отчеты.

– Мне кажется, ему становится лучше. Еще вчера он нас с Брайаном не узнавал, а сегодня утром говорит: «Завещаю вам свое богатство в размере недопитого „Джонни Уокера“». Сказал, что нас любит, что мы – единственное, что у него есть. – Джекки вытерла слезы. – И еще сказал, что проголодался. Жаль, что ему нельзя.

– Чего нельзя?

– Есть...

– Разве его здесь не кормят?

– Медсестра сказала, что врачи запретили давать ему пищу. Она говорила про какой-то больничный протокол, я толком не поняла.

– Какой протокол? Энтони, ты когда-нибудь слышал что-нибудь подобное?

Но Энтони уже не слушал. Пробормотав что-то вроде «Я сейчас», он зашагал по направлению к медсестринской. В этот момент его лицо походило на догонскую маску разъяренного духа, и молоденькая медсестра шарахнулась в сторону.

– Это вы ведете уход за пациентом Макпадденом из сорок седьмой палаты?

– Да, доктор... Что-нибудь случилось?

– Будьте любезны, принесите ему еды. Прямо сейчас.

– Извините, доктор, но это не ваш пациент, – уверенно возразила медсестра, оправившись от моментального испуга. – Завотделением, доктор Рустам Али, дал нам четкие указания. Мы имеем право давать больному только обезболивающее, а больше ничего. Это ведь пациент хосписа.

– «Хоспис» не означает морить человека голодом.

– Доктор Али дал нам четкие указания.

– Дай ему поесть, дура.

Десять минут спустя медсестра вернулась в сопровождении щуплого человечка, передвигавшегося чарли-чаплинскими шажками, как будто его ступни поссорились и демонстративно отворачиваются друг от друга.

– В чем дело? – сурово спросил человечек.

– Хотелось бы узнать, почему больному, который просит есть, отказывают в пище.

– Наша медсестра вам уже все объяснила. Мы оказываем паллиативную помощь, то есть снимаем боль. Питание может продлить выживаемость, а это в данном случае не является нашей задачей.

– Вы это всерьез? – поинтересовался Энтони. Его воображение, кажется, уже шарило в мысленном бардачке в поисках смит-вессона.

Али поджал подбородок, придавая лицу скорбное выражение.

– Да ты пойми, Энтони, – заговорил он задушевым тоном, – я такой же идеалист, как и ты. Но это безнадежный больной, он должен был скончаться еще в реанимации. Как бы мы ни старались, мы для него ничего не сможем сделать, ты сам это прекрасно знаешь.

– Как скажете. Завтра мы представим этот случай перед административной комиссией.

– Послушай, Оникепе, тебе не надоело строить из себя мать Терезу? У нас благотворительный госпиталь с весьма ограниченным бюджетом. Мы и так тратим на этих людей больше, чем можем себе позволить... Ты всё сводишь какие-то личные счета, а мне это неинтересно. Мой тебе совет: не раскачивай лодку. Вылетишь из ординатуры, вот и все.

Через три дня Макпаддена не стало. Благотворительный фонд Сент-Винсента помог семье усопшего с оплатой похоронных расходов.

3

С появлением Наны наша рутина изменилась: теперь мы каждый вечер гостили у нее в медсестринской. Энтони приходил в гости с овсяным печеньем, а я – с учебником ашанти-чви. В перерывах между вызовами я усердно осваивал диалоги и элементарную грамматику. Нана экзаменовала и поправляла произношение. Энтони сидел на полу, увлеченно печатая что-то на своем ноутбуке. Временами он прерывался, чтобы позлорадствовать: «Ну что, полиглот, не дается тебе их ганский язык? Надо было учить йоруба». С ганским языком у меня и впрямь было туго, особенно с произношением: мой речевой аппарат наотрез отказывался артикулировать все эти носовые и огубленные звуки. Кроме того, чви, как и многие африканские языки, – это язык тональный, и тут меня подводило ухо, по которому прошелся медвежий выводок. Будучи произнесенными с неправильной интонацией, мои слова приобретали самый неожиданный смысл. Например, я хотел сказать «хорошо», но, перепутав высокий тон с низким, говорил «вентилятор».

- *Вентилятор?* – переспрашивала Нана. – Ты хочешь сказать, что тебе жарко?
- Да нет, не «пáпá», а «пáпа» – *хорошо, хороший...*
- Что? *Папа?* Чей папа? Доктор, я вас не понимаю.
- Квэйду вура, тэ со!⁸ – отвечал я единственной фразой из разговорника, которая получила у меня без промашки.

Пожилый африканец в цветистой полотняной рубаше прохаживается по приемной и с видом посетителя музея разглядывает настенные памятки и дипломы.

- *Доброе утро, доктор, как самочувствие?*
- *Хорошо, спасибо. Как ваше?*
- *Откуда мне знать? Вы доктор, вы и скажите, как я себя чувствую.* – Он подходит к окну. – *Пусто на улице, как будто возждь умер.*
- *Что-что?*
- *Поговорка такая. У нас в Гане в прежние времена, когда возждь умирал, полагалось отрубить семь человеческих голов и похоронить их вместе с ним. Кто пожертвует головой ради возжда? Тот, кто еще ни о чем не знает. Выйдет человек на улицу, тут его стража и хватает. Кто поумнее, сразу сообразит: если не хочешь отправиться в Город мертвых вместе с возждем, в день похорон сиди дома. Сейчас-то все изменилось, вместо голов деревянные маски кладут. Но поговорка осталась. В следующий раз услышишь, будешь знать, о чем речь.*

Я поглядываю на часы.

- *Госпиталь Сент-Винсент...* – задумчиво произносит ганец. – *Католический. И дипломов-то сколько, почетных грамот! Чуть ли не на каждой стенке.*
- *Вас что-то не устраивает?*
- *Да вы не обращайтесь на меня внимания. Я просто старый солдат, а солдаты, как известно, большим умом не отличаются.*
- *У меня звонит пейджер, и я отвлекаюсь.*
- *Что-то доктор совсем потерял ко мне интерес, – обращается он к невидимому свидетелю. – Может, я для него недостаточно болен?*
- *Простите, что отвлекся.*
- *Прощаю. Но не понимаю. Вот я вчера пришел в вашу поликлинику, потому что у меня болел живот. А сегодня мне говорят, что у меня диабет.*
- *Это действительно так, мистер Смит. Я просмотрел результаты ваших анализов.*
- *Вот как? Беда-то какая... Я ведь, знаете, в вашем городе проездом. Заехал навестить кое-кого из знакомых. Завтра уезжаю.*
- *А где вы живете? В Гане?*
- *Где только не живу.*
- *Хорошо, я выпишу вам рецепт на глюкофаж. А когда вернетесь домой, обязательно обратитесь к диабетологу.*
- *Непременно, доктор. Я вижу, вы – настоящий знаток своего дела. И госпиталь ваш мне понравился. Кстати, передайте от меня привет Нане Нкетси. Знаете такую? Она у вас тут, кажется, прачкой работает.*
- *Не прачкой, а медсестрой. Передам.*

---

⁸ Продавщица бананов, сбрось цену!

...

– Слушай, Нана, мне тут один пациент попался. Из Ганы. В регистратуре он записался как Джон Смит, но что-то непохоже. Отрекомендовался «старым солдатом». Очень странный тип.

– Ну и что?

– Как – что? Ты разве его не знаешь? Он просил передать тебе привет.

– Вот ты и передал.

– Не томи, квэйдугу вура.

– Это мой дядя, полковник Нкетсия. Он приехал навестить каких-то своих знакомых, а заодно и обо мне разузнать. По поручению отца, не иначе.

– А почему под чужим именем? Он что, от кого-то скрывается?

– Да нет, просто придумывается. Пытается убедить себя, что он все еще важная персона.

Нана Эфуа Аба Анна Нкетсия родилась и выросла в богатой части Аккры, в доме, который, судя по фотографиям, правильнее было бы назвать дворцом. Ее дед по материнской линии, Буду-Артур Нана Кобина IV, был верховным вождем племени фантсе и одним из сподвижников африканского борца за независимость Кваме Нкрумы. Когда Нкрума был избран первым президентом свободной Ганы, дед занял пост ректора Лагонского университета, продолжая при этом исполнять обязанности оманхене⁹. Главным образом обязанности заключались в том, что во время торжественных церемоний его наряжали в королевское платье и проносили на паланкине через ликующую толпу. Эти церемонии – шествие масок, клич говорящих барабанов, жертвенные обряды – Нана описывала так же трепетно, как Энтони – свои гангстерские подвиги. С каждым разом ее воспоминания становились все более красочными; трудно сказать, что в них было придумано, а что нет. Как гласит присловье ашанти, «когда жрец пускается в пляс, всё, что он говорит, – чистая правда».

Отец Наны владел крупной компанией, импортирующей лекарства, а также сетью аптек, разбросанных по всему Центральному региону. Он был ганцем только наполовину: бабка, в честь которой назвали Нану, была уроженкой Канарских островов. В свое время брат отца, полковник Нкетсия, был влиятельным политиком и лидирующим кандидатом на пост президента. После военного переворота Джерри Ролингса в 1979 году Нкетсия бежал в Англию, где ему удалось получить политическое убежище. В Англии он занялся фотографией и несколько раз выставлялся в одной из лондонских галерей.

Я все время ловлю себя на том, что «притягиваю за уши» общность детских воспоминаний. Сталкиваясь в Америке с людьми из самых отдаленных точек мира, я старательно высматриваю в их рассказах некий исходный опыт, который роднил бы китайца или индуса с выходцем из России. Наверное, это и есть менталитет эмигранта, сколько бы я ни убеждал себя, что я – не эмигрант. В школьных рассказах Наны искомым узнаваний было сколько угодно. Тут не приходилось ничего додумывать. Все было знакомо и в то же время утрировано до пародийности. После того как Ролингс провел государственную реформу образования, из школьной программы в Гане полностью исключили все пережитки колониального периода – в первую очередь европейскую историю и литературу. Химию, физику и биологию сократили до одного предмета под названием «точные науки». Зато ввели историю африканского освобождения, а также основы сельского хозяйства и скотоводства. Школьники учились отличать по цвету и запаху десять видов почвы; узнавали о выведении новых пород домашнего скота, об усовершенствованных технологиях дойки. Проводились соревнования классов по выращиванию помидоров. Следующим шел предмет «жизненные науки», на котором учили класть кирпичи

---

⁹ Вождь народов.

и работать с мачете. В шестом классе девочки шили фартуки, а в седьмом – готовили в этих фартуках традиционные похлебки, которые уписывал весь преподавательский состав. Летом учащихся посылали на практику – выкапывать ямс. И т. д. и т. п. Все знакомо, от линейек и доски почта до байки о том, как на рождественских каникулах учитель истории повел старшеклас-ников в поход, где напился пальмового вина, после чего его искали всю ночь и нашли к утру мирно спящим в чьем-то огороде. Чем больше я слушал, тем труднее мне было представить себе это африканское детство, где королевские церемонии и украшенный золотом паланкин сочетались с уборкой картошки и пионерскими песнями у костра. Правда, песен под гитару как таковых в рассказах Наны все-таки не было. Вместо них фигурировали пионерские пляски под барабан.

Когда дочери исполнилось четырнадцать лет, родители, слабо верившие в преимуще-ства новой системы образования, решили последовать примеру самого Ролингса: перед тем как учредить реформу, глава правительства предусмотрительно отправил собственных детей учиться за рубеж. Ближайшим родственником Нкетсии за границей был осевший в Лондоне брат отца, но обращаться к нему представлялось опасным. Бывший полковник, хоть и переква-лифицировался в фотографы, продолжал оставаться политической persona non grata. Словом, Нану отправили в штат Вирджиния, где жила тетушка Майя, она же – афроамериканская писа-тельница Майя Анджелу, вторая жена покойного деда Кобина IV. В Вирджинии Нану отдали в дорогую частную школу, где она оказалась единственной чернокожей. «Можешь себе пред-ставить, как мне там было уютно». Впрочем, в среде афроамериканцев, с которой она столк-нулась позже, African princess встретила не больше понимания, чем среди белых южан.

После окончания школы Нана поступила в Пенсильванский университет, где без энтузи-азма училась то на психолога, то на экономиста. И вот в один прекрасный день на нее снизо-шло озарение, вызванное газетным объявлением. Агентство такое-то предлагает медсестрин-ские курсы и нанимает на работу в должности «странствующей медсестры». Есть, оказывается, и такая профессия. От обычной медсестры это отличается условиями контракта и тем, что в роли первичного работодателя выступает не больница, а частное агентство по трудоустрой-ству. Агентство занимается поиском временных вакансий. Подписывая долгосрочный кон-тракт, ты соглашаешься ежегодно менять место работы и жительства. Конкретные условия зависят от места, но в основном это работа в реанимации в ночную смену. «Я не очень люблю общаться с людьми, – говорила Нана, – а ночью в реанимации никого нет, только пациенты, да и те, как правило, заинтубированы. И в то же время я делаю доброе дело, приношу пользу». «Вот-вот, я же говорил тебе, что она – мизантроп», – невпопад вставлял Энтони.

Узнав о столь нетрадиционном выборе профессии, отец Наны приехал в Америку наста-вить дочь на путь истинный («В мире белых людей наши дети должны становиться врачами либо адвокатами»). Но не тут-то было. Две недели семейной драмы не сломили дух новоиспе-ченной traveling nurse. Вернувшись в Гану, отец объявил, что лишает Нану наследства. С тех пор они не общались.

Мне хочется раз за разом погружаться в незнакомую среду, пребывать в растерянности, испытывать дискомфорт, связанный с невозможностью объясниться на чужом языке. Попадая в новое пространство, я не хочу ощущать себя ни туристом-лириком, ни путешественником-первопроходцем. Я хочу повторить мучительный опыт двадцатилетней давности – заново пройти через эмиграцию, начать с пустоты. Диагнозы, которые я готов сам себе поставить, лежат на поверхности: изживание детской памяти, необходимость мнимого контроля над прошлым. Но ведь дело не только в этом.

Одно из последних предотъездных воспоминаний: Юра Дворкин с первого этажа, усердно косящий под советского рокера, отрицающий патлы, обзаводящийся телогой и вареными джинсами. На плече – кассетник с Наутилусами и «Группой крови». Через два месяца он переедет в Хайфу (фотографии с шаурмой и кальяном, первая работа на бензоколонке, израильская армия и т. д.).

Это была зима девяностого года; Юре было тогда тринадцать или четырнадцать. Я – на два года младше, смотрел снизу вверх. Запомнилось как нечто необъяснимое: его предстоящий отъезд и пубертатное желание наспех совпасть с последней модой московского двора, подготовиться к новой фазе жизни, которая начнется и закончится здесь без него.

4

Когда Осейи и Амма Овусу, у которых недавно родился сын, объявили о том, что собираются устроить *Эдин тоа*, весь разноцветный коллектив от румына до китайки подрядился участвовать в проведении этой пышной церемонии, хотя никто понятия не имел, в чем она заключается.

– Насколько я понимаю, это Праздник имени, – догадался Энтони, – у йоруба тоже есть что-то подобное. Когда человек рождается, он приводит в мир своего личного бога, иначе говоря, свое предназначение. На седьмой, что ли, день после рождения ребенка приносят к старейшине. Тот наблюдает за младенцем, пытаясь угадать его бога, и выбирает подходящее имя.

– Интересно, Энтони Пол, кто был тот мудрый старейшина, который назвал тебя в честь русского писателя?

– Опять ты со своим русским писателем. Мои родители к прорицателю не бегали, у меня вообще-то отец – профессор лингвистики, а мама была биохимиком. Просто им понравилось имя Энтони, вот и всё. А Пол – это европеизированное Абаола, так звали моего деда.

В назначенный день мы явились минута в минуту, хотя Нана и выражала определенные сомнения относительно того, что традиционная ганская церемония может начаться вовремя. Хозяин дома, встретивший нас на пороге в нижнем белье, подтвердил ее опасения и, немало удивившись («Вы что, на дежурство пришли? Когда зовут на три, имеется в виду: приходить не раньше половины шестого!»), отправил в близлежащую кофейню «Старбакс». Таким образом, в течение следующих двух часов у меня была возможность узнать во всех подробностях о значении *Эдин тоа* в культуре ашанти, заодно наблюдая, как Энтони сверлит взглядом белокурых красоток за окном кофейни и все больше раздражается дотошностью Наниного экскурса.

Согласно аканской традиции, первые семь дней жизни ребенок проводит с матерью в специально отведенном помещении, откуда им не полагается выходить. Это – испытательный срок: если дитя умрет, не прожив и недели, значит, его душа посетила мир живых, чтобы только взглянуть и, удовлетворив любопытство, возвратиться в мир духов. Поэтому ребенка, умершего в течение первой недели, не оплакивают. Если же на восьмой день младенец жив, значит, он полюбил лицо и голос женщины, которая его родила, и решил остаться, чтобы сделать ее счастливой.

Утром восьмого дня ребенка приносят к старейшинам и дают ему имя, точнее – имена. Первое имя знаменует день недели, в который он родился. Мальчика, чей *Эдин тоа* пришелся на пятницу (*фиада*), назовут Кофи («пришедший в пятницу») и т. д. Каждому дню недели покровительствует то или иное божество¹⁰, так что старейшинам аканских племен – в отли-

---

¹⁰ Аканское исчисление времени вообще носит религиозный характер. Например, календарный месяц обозначается словом *обосаме* (божок). «M'adi bosome mmienpu wo ha» – «Я провел здесь два месяца». Дословно: «Я съел здесь двух божков».

чие от йоруба – не приходится угадывать личного бога, достаточно свериться с «гороскопом». «Вот ты в какой день недели родился?» – спросила у меня Нана. Гугл выдал ответ: вторник. «Во вторник? Значит, ты – Квабена. А что, по-моему, звучит: Квабена Стесин!» «Квабена, Квабена!» – подхватил Энтони. Вскоре мое новое имя станет известно всем африканцам Сент-Винсента и закрепится за мной на годы вперед. Я – мальчик, родившийся во вторник.

Второе и третье имя – в честь кого-нибудь из предков; дальше – имя, выражающее пожелания родителей своему чаду; и наконец – имя рода. В колониальный период ашанти часто давали детям ничего не значащие имена, чтобы отвадить богов-покровителей: дескать, это не настоящее, не на всю жизнь. Имя, данное в рабстве, не может быть настоящим, так как рабство не может быть истинным предназначением человека.

Складные стулья были расставлены по периметру комнаты, и, по очереди здороваясь с сидящими, каждый новоприбывший совершал круг почета – обязательно против часовой стрелки. К шести вечера все были в сборе. Вопреки моим ожиданиям, ни румына, ни китайки в комнате не оказалось; помимо нас с Энтони, на церемонии присутствовали только ганцы. Доктор Пэппим, выступавший в роли старейшины, вышел на середину комнаты и, достав из кармана шпаргалку, развел руками: это вам не лекция по реаниматологии.

Каждое имя есть уникальное сочетание звуков. Если имя выбрано правильно, это сочетание звуков резонирует с душой человека и придает ему силы. Наше предназначение заложено в нас Творцом, и мы исполняем Его замысел, откликаясь на зов, пробуждаясь для жизни всякий раз, когда нас называют по имени. Какой сегодня день? Сегодня воскресенье – *квезиэда*. Бабушка Воскресенье, дедушка Воскресенье, сегодня перед вами младенец, который встретил с нами утреннюю звезду. Его мы называем Квези.

С этими словами Пэппим взял спящего сына из рук Аммы и, трижды подняв на вытянутых руках, поднес к столику, на котором стояли бокалы с водой и вином и лежали несколько ракушек. Положив ракушки на лоб младенца, Пэппим окропил его губы водой: «Если скажешь *нсуо*¹¹, пусть это будет вода». Затем окропил вином: «Если скажешь *нса*¹², пусть это будет нса... *Аквааба!*¹³ Братья и сестры, я поздравляю вас всех!»

Завершив церемонию, Пэппим ретировался в облюбованное кожаное кресло и продремал в нем оставшуюся часть вечера. Между тем гости переместились к столу. Старший ординатор Йау Аманкона предварил трапезу еще одной торжественной речью, но на этот раз ораторство не сопровождалось возгласами «Ампа!»¹⁴ – каждое слово витии камнем падало в колодец всеобщего голода.

Одно за другим потянулись праздничные блюда: арахисовая похлебка с индюшкой и копченой рыбой, пальмовый суп с козлятиной и листьями ямса, блюдо из перемолотых семечек африканской дыни, красный рис джолоф, кускус из сброженного маниока в банановых листьях, жареные плантаны с имбирем и фасолью в пальмовом масле. И – какой же праздник без фуфу! Фуфу – это патриотическая гордость, «щи да каша» западноафриканской кухни. Густое пюре из кокоямса, плантанов или маниока, похожее на белый пластилин – как по виду, так и по вкусу. Пластилин скатывают в шарики. Шарики полагается макать в мясную похлебку и разом проглатывать. «Ел без фуфу – вообще не ел», – утверждают знатоки этого дела.

Расходиться начали за полночь; в третьем часу утра в комнате еще всю продолжались оголтелые пляски под бой *твенебоа*, оплетенного ракушечными ожерельями. Казалось, во всем многоэтажном доме есть только два человека, способные спать под этот грохот как ни в чем не бывало, – Квези и доктор Пэппим.

¹¹ Вода.

¹² Пальмовое вино.

¹³ Добро пожаловать!

¹⁴ Верно!

На следующий день остатки угощения, расфасованные в пластиковые емкости, очутились на прилавке магазинчика «Африкана эдуому»¹⁵, находившегося через дорогу от больницы.

Кэрен Б., 36 лет. Алкогольный цирроз печени. Симптомы болезни – желтуха, асциты – проявились еще месяц назад. Первые три недели было «терпимо»; за день до поступления началась кровавая рвота. В больнице ей сделали неотложную склеротерапию варикозных вен, но через несколько часов кровотечения возобновились, отказали почки. Гематокрит не поднимается выше критического уровня, несмотря на многочисленные переливания крови. Время оповестить родных. Около полуночи я делаю междугородний звонок в Массачусетс, где живут ее родители.

Сколько раз я видел в онкологической клинике, как родные восьмидесятилетнего старика или старухи умоляли врачей сделать все возможное, до последнего момента отказываясь верить фактам. Но я ни разу не видел, чтобы родственники просили сделать все возможное для сравнительно молодого человека, умирающего от цирроза.

– Понимаете, я просто не хочу, чтобы она продолжала мучиться, – говорит мать Кэрен.

– Я понимаю. Мы остановим инфузии препаратов, которые поддерживают ее давление, отключим искусственную вентиляцию легких и поставим капельницу с морфием. Она не будет чувствовать боли.

– Как вы думаете, сколько она может прожить... после того, как вы все отключите?

– Пару часов, может быть, меньше. Но ведь это не к спеху – все отключать. Мы можем подождать и до завтра, и до послезавтра. Я имею в виду, мы можем дать вам возможность с ней попрощаться.

– Спасибо вам, доктор, но... лучше не надо. Мы – люди пожилые, нам тяжело... Кроме того, завтра у ее отца день рождения. Просто позвоните нам, когда все закончится.

В четвертом часу утра поступил ожидаемый вызов. Медсестра встретила меня в дверях палаты: «Извините, доктор, я вызывала вас подтвердить наступление смерти, но, кажется, поторопилась. Теперь уже недолго: среднее артериальное давление – ниже пятидесяти. Минут десять – пятнадцать, не больше... Подождем вместе, ладно?»

Я стою между изголовьем кровати и монитором, слежу за редящими бугорками кардиограммы. У меня кружится голова. На подоконнике лежит принесенная кем-то из близких фотография пятилетней давности: розовощекая красавица Кэрен, лучась навсегда запечатленным счастьем, обнимает улыбающихся родителей на курортном фоне. Десять – пятнадцать минут превращаются в сорок пять.

Медленнее, медленнее – как будто умирает не она, а монитор, через силу выдавливающий гудки. Я слышу, как медсестра, стоящая за моей спиной, лопочет что попало, лишь бы заглушить нарастающий хрип агонального дыхания. Медленнее, медленнее. Асистолия. Всё... Нет, не всё: еще один-два припадочных вдоха – пузырящееся дыхание мертвеца. Теперь всё. Я проверяю

---

¹⁵ «Африканский рынок».

зрачки, прикладываю стетоскоп к груди. «Смерть наступила в четыре часа двадцать семь минут», – говорит моим голосом посторонний.

5

Продовольственный магазин и чоп-бар «Африкана эдуому», которым владели радушные Бенад и Маоли Онипа, выполнял функцию социального клуба: по вечерам сюда стекалась вся западноафриканская община Бриджпорта. Старики занимали позиции за приземистым столиком для овари¹⁶ и, засеяв лунки игральными ракушками, начинали неспешный обмен новостями. Молодежь толпилась возле установленного в дальнем углу караоке, пританцовывая и горланя неизменное «Эйе ву дэ анаа, эйе ме дэ паа».

– Ий! Эхефа на уасвиа чви каса?¹⁷ – удивился Бенад Онипа, когда, впервые заглянув в «Эдуому», я обратился к нему на ломаном аканском наречии.

– Меуо ннамфоо асанти на уономчьерэ мэ какраа-какра¹⁸.

– Юу-у, матэ. Эсвиани, энье аквааба!¹⁹

Довольно скоро «Эдуому», находившийся в двух шагах от Сент-Винсента и кирпичной трехэтажки, где я снимал квартиру, стал для меня вторым домом или третьей вершиной равностороннего треугольника, внутри которого я проводил все свое время, поскольку больше в Бриджпорте податься было некуда. «Католическая миссия, хижина, чоп-бар – всё как надо. Еще добавить революцию да малярию, и будет полный африканский набор», – отметил язвительный Оникепе.

Каждую пятницу Маоли стряпала африканскую пищу и угощала постоянных клиентов. Несколько раз, во время тридцатичасовых дежурств, я получал СМС: «Доктор Алекс! Брат Бенад и сестра Маоли знают, что ты сегодня дежуришь и наверняка голодаешь. Спустись, пожалуйста, в вестибюль». В вестибюле меня ждал Бенад с улыбкой до ушей и кастрюлей дымящегося риса джолоф. Денег он не брал и, раздраженно отмахиваясь от купюр, которые я пытался ему всучить, повторял девиз племенного сожительства: «Если птицы рядом гнездятся, значит, птицы друг другу еще пригодятся». Стало быть, белая ворона – тоже ворона, часть стаи. Я растроганно примерял к себе эту птичью истину, тем более что и в моем «оперении» уже имелось кое-что ганское: под Рождество Нана и Маоли подарили мне по вышивной рубашке кенте.

– Доктор Алекс, когда заканчивается твое дежурство? – спросил Бенад, в очередной раз вручая мне кастрюлю с вкуснятиной.

– Завтра утром.

– Тогда завтра вечером приходи к нам в «Эдуому». Познакомишься со знаменитостью!

– Какая такая знаменитость?

– Ганский поэт. Тридцать лет, а уже целую книгу стихов написал. В газете его сравнивали с Воле Шойинкой²⁰.

Поэта звали Принц Нсонваа. Он и выглядел классическим поэтом или киноактером, играющим большого поэта на большом экране. Водолазка, задумчиво-выразительное лицо, обрамленное наждачной небритостью. Если бы Принц Нсонваа был белым, у него обязательно была бы челка. Прослышав от хозяев, что я – Russian poet, изучающий чви, Принц торжественно объявил, что обязуется – если я, конечно, не против – регулярно присылать русскому коллеге свои творения, а также преподавать ему (то есть мне) основы языка чви по переписке.

¹⁶ Стратегическая игра, одна из разновидностей *манкала*.

¹⁷ Ух ты! Где это ты научился говорить на чви?

¹⁸ У меня есть ганские друзья, которые меня понемножку учат.

¹⁹ Понятно. Добро пожаловать, учащийся!

²⁰ Нигерийский писатель и драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе (1986).

В тот же день я получил первый образец его творчества. Стихотворение называлось «Senea w'awofo ahwe wo ama wo se afifiri no, ese se wohwe won ma woom dee tutu»²¹. Сам текст был не намного длиннее названия и, по существу, лишь перефразировал нравственное предписание в форме императива. Помимо стихотворения, к имею прилагались: аудиофайл с авторским чтением и причудливо-иероглифический рисунок, значение которого, видимо, обыгрывалось в данном сочинении.

– Тебя трогают эти стихи? – спросил я у Наны, показав ей шедевр моего нового знакомого.

– А тебя? Если тебя интересует ганская литература, почитай лучше Айи Квеи Арма и не морочь мне голову.

На протяжении следующих полутора недель поэт исправно присылал мне ежеутренние стихи с аудиофайлами и рисунками, а по вечерам – короткие письма на чви с заботливым переводом в скобках после каждого предложения. Наконец, очевидно устав от этой обременительной переписки, Нсонваа деловито спросил, не согласится ли «менвиа Алекс»²² помочь ему с переводами стихов на английский для публикации в антологии. Получив утвердительный ответ, поблагодарил и пообещал прислать весь корпус через денек-другой, после чего исчез.

Позже я узнал, что подобные назидательные тексты, сопровождаемые иероглифическими узорами, – вполне традиционный «смешанный жанр». Узоры называются *адинкра*; с каждым узором связан определенный обряд, а также какая-нибудь пословица или идиома. Говорят, коллекция некоего этнографа, собиравшего адинкра по всему Аканскому региону, насчитывала больше тысячи пиктограмм. Одна из главных функций поэзии – развивать и интерпретировать символику адинкра. А поскольку вся словесность у ашанти до недавнего времени была устной, без аудиозаписей тут не обойтись. Не читать надо, а слышать. Недаром глагол *тэ* имеет не одно, а как минимум четыре значения: говорить, слышать, чувствовать, обитать.

Что касается пословиц, то для западноафриканских племен они больше чем просто народная мудрость. Это и свод законов, и магические заклинания, и своеобразная форма ораторского искусства. «Слова – пища для души, а пословицы – пальмовое масло, с которым едят эту пищу». «С мудрецом говорят поговорками». «Иногда пословица – это твой меч, иногда – твой щит». Африканский талмуд пословиц и поговорок. Так, два престарелых ашанти, завсегдатаи «Эдуому», могут часами вести беседу, целиком состоящую из иносказательных афоризмов.

– Что скажешь, Коджо, какие новости?

– Что сказать, Кофи... Когда крыса находит фуфу, она ест фуфу, но пестик и ступку в крысиной норе не упрячешь. Если пальма гнется, значит, земля шепнула ей дурную весть. На каждой ветке по птице – деревья не видать. Слишком много нарядов, точно на похоронах.

– Не всякое облако приносит дождь, – парирует Кофи. – И потом, даже самый острый нож не разрежет собственной рукояти.

– Так-то оно так, но, если бревно кладут в реку, оно не превращается от этого в рыбу. Тот, у кого нет одежды, всегда участвует в танце Асафо. На базаре бороду не продашь. Как сказал пес, если я упаду, а ты встанешь, будем считать, что это игра.

– Эй, Коджо, что Господь пожелал, человек не отменит. Закрой мертвецу глаза – и увидишь духа. Обращаясь к Богу, начни с обращения к воздуху.

Неискушенному слушателю вроде меня может показаться, что они просто состязаются в словоблудии. Однако информационный повод всегда присутствует. В данном случае речь идет о неудачной поездке: Коджо только что вернулся из Нью-Йорка, где гостил у детей. Дети, говорит он, живут теперь своими заботами и принимали старика не так, как требует обы-

²¹ «Так же как твои родители заботились о тебе, когда у тебя резались зубы, ты должен позаботиться о них, когда их зубы станут выпадать».

²² Мой брат Алекс.

чай. Кроме того, в Нью-Йорке им, похоже, живется плохо, хотя они всячески стараются это скрыть. Коджо злится, Кофи пытается его вразумить. Впрочем, главное здесь все-таки форма, а не содержание. Ритуал диалога, пища для души, завезенная в Бриджпорт из африканской деревни. Непроглатываемый, словно шарик фуфу, комок ностальгии.

Родные и близкие, соседи и родственники соседей, облаченные в черные и красные платья, напоминающие римскую тогу, выгружаются из микроавтобусов, рассаживаются по кругу, раскрывают большие зонты с оборками. Многочасовое действие, разворачивающееся в центре круга при активном участии зрителей, называется овуо ачведье²³ – по названию одного из узоров адинкра.

Атмосфера – при всей серьезности повода – скорее праздничная. По аканской традиции так и должно быть: если «виновнику торжества» посчастливилось дотянуть до почтенной старости, его похороны – это прежде всего праздник жизни. Песни, пляски, даже своеобразный капустник, в котором обыгрываются эпизоды из жизни усопшего... Но самое невероятное – гроб в форме рыбы, привезенный из Ганы и наверняка стоивший заказчику большей части семейных сбережений. Как нетрудно догадаться, покойный был хозяином рыбной лавки.

К микрофону подходит харизматичный священник в темных очках, как у агента спецслужбы. Проповедническое крещендо, пестрящее словами исцеление и спасение, нарастает вровень с дождем, точь-в-точь как в романе Чинуа Ачебе («одежда, словно в страхе, липла к телу...»). Время от времени дождь ненадолго утихает, как бы прислушиваясь, и через несколько минут приступает с новой силой. Наконец проповедник уступает стихии и, все еще на взводе, нараспев приглашает собравшихся перейти под навес. Паства снимается с мест, поправляет намочившие складки драпировки, передвигает стулья.

6

Гамбиец Джеймс Кларк выучил русский только за то, что на нем говорила первая любовь, в свое время учившаяся во ВГИКе. Кроме того, он свободно владел как минимум пятью африканскими языками: малинке, фульбе, волоф, чви и неправильным английским. Знание русского ограничивалось у него отдельными фразами, но фразы эти – из уст африканца – были поистине замечательны. Когда нас представили, Кларк протянул мне руку со словами: «Zhiteli vol'nyh pastbisich privetstvujut vas!» В другой раз, возмущаясь только что прочитанной болтовней какого-то политического обозревателя, подытожил: «V „Izvestijah“ net pravdy, v „Pravde“ net izvestij». Между тем на одной шестой он никогда не бывал, да и русскоговорящая кинематографистка осталась в далеком тропическом прошлом.

Когда-то, давным-давно, он учился в Гане – на одном курсе с Пэппимом и Апалоо. Был свидетелем на их свадьбе. После мединститута эмигрировал в Америку, поступил в ординатуру в Нью-Йорке. Поступил, да не закончил – повздорил с одним из старших коллег. После этого он перебрался в Англию, где мотался из больницы в больницу, подвизаясь в качестве locum tenens²⁴; затем ненадолго вернулся в Гамбию и вот к пятидесяти годам, женившись на

²³ Лестница смерти.

²⁴ Временный заместитель (лат.).

американке, снова приехал в Штаты и – по протекции друзей юности – получил место в ординатуре Сент-Винсента.

К бывшему однокашнику и нынешнему начальнику, неизменно величавшему его «дядя Джимми», Кларк обращался с почтительным «доктор Пэппим», с помощью мимики стараясь обозначить в этом обращении уместную долю шутки. По утрам, рапортуя Пэппиму о проделанной за ночь работе, Кларк покрывался бисером пота, и его речь становилась похожей на бормотание гоголевского персонажа. При виде этой сцены – отчаянно потеющий Кларк, упитанная невозмутимость Пэппима – я вспоминал рассказ Наны о том, как в начальной школе она могла запросто приказать однокласснице из малоимущей семьи, чтобы та донесла до дому Нанин портфель или сбегала посреди урока в кафетерий за плюшкой... Словом, голова у меня была занята не тем, чем надо, так что, когда приходила моя очередь рапортовать, я начинал мямлить и путаться еще больше, чем мой напарник.

Он был дотошен во всем, что касалось заполнения бланков, выписок, рецептов и проч. В первый же вечер он показал мне, как и что следует заполнять:

– Я люблю, чтобы все записи велись определенным образом. Документация всегда должна быть в порядке. Иначе хлопот не оберешься.

– Хорошо, Джеймс.

– Называй меня лучше дядя Джимми или просто Джимми. Никаких формальностей. И вообще, ты – босс, а я – твой помощник, – сказал он в точности, как Оникепе. – Мне бы, главное, закончить чертову ординатуру, а там – трава не расти.

– Ну так ведь ты и заканчиваешь через полгода. Недолго осталось.

– Для меня шесть месяцев здесь – это слишком долго. За три года я успел возненавидеть этот госпиталь и все, что с ним связано. Я мечтаю только об одном: о непыльной работе в Мэриленде, где живет моя жена... Если б я мог прокрутить жизнь на несколько лет назад, ни за что не уехал бы из Гамбии. А если бы мог вообще начать сначала, не стал бы заниматься медициной.

– А чем бы ты тогда занимался?

– Чем-нибудь полезным. Стал бы ремесленником.

Среди заправлявших в стационаре немолодых «сестричек» дядюшка Джимми имел надежную репутацию старого добряка. Каждый вечер, совершая дежурный моцион по этажу, он приветствовал их непритворно-приторными «дорогая моя!» и «добрый вечер, прекрасная леди!».

Когда выдавались свободные полчаса, Кларк уединялся в каком-нибудь закутке и моментально задремывал, сидя на стуле и прислонившись к стенке. На вопрос, почему бы ему не улечься в дежурке, где стояли две относительно удобные койки, отвечал, что предпочитает «быть начеку».

Разносторонне начитанный, всегда и обо всем имевший подробное мнение, он мог быть интересным собеседником, но, как все уставшие и живущие через силу люди, часто повторялся. Его любимыми присказками были: «В Европе этого никогда бы не позволили» (когда речь шла о восьмидесятичасовой рабочей неделе и прочих мытарствах американского ординатора) и «Африка – проклятый континент» (речь могла идти о чем угодно).

– Почему же проклятый? Ты ведь сам говорил, что жалеешь о том, что уехал из Гамбии.

– Durnoe, da rodnoe, – произнес Кларк, в очередной раз демонстрируя недюжинные познания в области русской словесности. – Наши политики любят напоминать, что Африка – наша общая мать. У вас, наверное, это тоже в ходу? Я имею в виду всю эту «материнскую» риторiku.

– «У нас» – это где?

– Да где угодно. В Америке, в России... Когда я слышу про это «материнство», у меня срабатывает профессиональный рефлекс: я сразу начинаю думать о болезнях, передающихся

по наследству. А болезней в Африке больше, чем где бы то ни было. Приедешь, увидишь... Проклятый континент. Я бы мог там жить, если бы не уехал, потому что знаю правила игры. Первое правило: когда дерутся слоны, больше всех страдает трава у них под ногами.

– Этэ сэй! – Вихрем ворвавшийся в комнату Йау Аманкона от души рыгнул и шлепнул на стол медкарту. – Можете меня поздравить. Мне опять подсунули Флору Кабезас.

– Кто это ее к нам пустил? Мы же сто раз уже объясняли в пункте первой помощи, что ее надо гнать вшаей.

– А она новый способ изобрела. Надышалась пыли в каком-то подвале, чтобы спровоцировать астматический приступ. Никуда не денешься, надо класть. Пока лежала в приемнике, все уши медсестрам прожужжала: и это у нее болит, и то болит. Те не выдержали и дали ей морфий. Теперь ее не выгонишь.

– Да, хорош у нас список пациентов, – отозвался Кларк, – наркоман на наркомане. Вот на что уходят деньги налогоплательщиков.

– Пока я не попал в Америку, даже представить себе не мог, что такое бывает, – неистовствовал Аманкона. – В Гане люди толпами подымают от инфекций, так ни разу и не побывав у врача. А тут – болей не хочу. Всё есть – и лекарства, и оборудование. Приходишь в травмпункт, говоришь, мол, живот болит, и тебя сразу кладут в стационар. Кормят, поят... И что? Вместо того чтобы жить как следует, они торчат на морфии, выклянчивают его, валяются всю жизнь в больнице, лишь бы кайф поймать. Мерзость.

– Ну, медики, положим, тоже не без вины, – рассудил мудрый Кларк. – Как ты правильно сказал, дядя Йау, если больной в Америке жалуется на боль, его первым делом сажают на морфий. Это, кстати, к нашему предыдущему разговору. – Кларк повернулся ко мне. – В Европе такого никогда бы не допустили...

– А я и не говорю, что виноваты только пациенты. Виноваты врачи, которые с ними миндальничают. А еще больше виновато судопроизводство, которым нас все время запугивают. Дело в системе. И в тех, кто ею управляет. Заговор он и есть заговор.

– Какой заговор? Еврейский? – Я уже слышал от кого-то из ординаторов, что Аманкона одержим теорией еврейского заговора, но для собственного удобства решил, что это шутка.

– Я ничего не говорил. Но ведь все всё понимают...

– Осторожно. Алекс-то, по-твоему, кто? – предостерег его старший товарищ.

– Ну и хорошо, – моментально нашелся Аманкона. – По крайней мере, если будет необходимо, ты всегда сможешь воспользоваться поддержкой тех, кто наверху.

– Пользуюсь, Йау, только и делаю, что пользуюсь их поддержкой. Катаюсь как сыр в масле.

– Да ладно, что ты. Евреи, не евреи – какая разница? Я ведь не об этом. Я о том, что они там наверху – кто бы они ни были – решают наши судьбы.

– Ампа! Когда дерутся слоны, больше всех страдает трава... – затыкнул свое дядюшка Джимми.

– Да, но евреи – все-таки слоны.

Назойливое повторение прозвучавшей пять минут назад пословицы окончательно вывело меня из равновесия:

– Евреи всегда наверху. И носы у них как хоботы.

Аманкона натужно улыбнулся:

– Друг мой, когда ты соберешься в Гану, обязательно дай мне знать. Я тебя свяжу со своими, приедешь как к себе домой. Тебе у нас понравится.

– Да я и не сомневаюсь, что мне понравится в Африке... Жаль только, евреи ее колонизировали и разрушили традиционный уклад жизни.

– Пойду-ка я проведаю своих пациентов, – вздохнул Кларк. – Нам не за то платят, чтобы мы весь вечер в ординаторской ласы точили.

Мы вышли в коридор.

– Зря ты с ним так. С Аманконой ссориться глупо. Он у нас большой человек, *ога*, как говорят нигерийцы.

– И что мне теперь, молчать? Мне с ним детей не крестить, через полгода меня в этом госпитале уже не будет.

– Все равно не стоило его обижать. Ты ведь, наверное, не знаешь, что он не только врач, он еще и священник. Перед тем как поступить в мединститут, он окончил семинарию.

– Да плевал я на вашу... – Поймав его предупреждающий взгляд, я осекся. Действительно ведь наплевать.

До конца дежурства – три часа, даже меньше. Скоро можно будет идти домой. Покурить и спать. «Докета сэ менкода сеисие ара»²⁵. Из-под прохудившегося покрыва предутренней темноты ключьями лезет грязноватая подкладка сугробов. Два окна на шестом этаже соседнего здания поочередно вспыхивают сиреневым отсветом телеэкранов, как глаза чащобного чудища из шизофренических сказок Амоса Тутуолы. Эти сказки подsunул мне Энтони для ознакомления с фольклором йоруба. Я сделал над собой усилие и прочел их за один вечер – примерно так же, как из уважения к хозяйке проглатывают несъедобную пищу. Одно место, впрочем, запомнилось: то, где главный герой, отправившийся в Город мертвых, чтобы повидать своего покойного брата, прибывает наконец в пункт назначения и встречается с тем, кого искал. Оказывается, что покойник, бывший при жизни священником, ведет службу и здесь, продолжая вселять в души прихожан надежду на жизнь после смерти.

У. Д., 38 лет. Боль за грудиной, отдающая в левое плечо. Требуется исключить инфаркт миокарда. Стандартный протокол: ЭКГ плюс три тропониновых теста. В соответствии с протоколом мы должны продержатъ пациентку в больнице в течение восемнадцати часов, хотя в данном случае причина симптомов известна и без всяких тестов: У. Д. курит крэк. Рассказывает, что до августа прошлого года употребляла также и героин. Неделю назад «сдалась» наркологу. «Что побудило вас обратиться за помощью?» – «Я хочу, чтобы мне вернули моих детей». Детей трое. Я осматриваю пациентку: иссушенное тело, кожа да кости. «Вы что, вообще не питаетесь?» Мотает головой: «Давно ничего не ела». Губы собираются в тоненькую улыбку, но тут же начинают дрожать, по щекам текут слезы.

По истечении положенных восемнадцати часов я уговариваю начальство, что ее еще рано выписывать. Конечно, ломка – это не повод держатъ больную в Сент-Винсенте, для этого есть наркологическая лечебница. Но все-таки состояние нестабильное. Тахикардия, рвота, да мало ли что. Через три дня терпению начальства приходит конец, и мы оформляем выписку в наркологический диспансер. «В следующий вторник придете к нам в поликлинику. Я записал вас на прием». – «Хорошо, доктор, спасибо вам за все...» Та же тоненькая улыбка, от которой сжимается сердце.

Через полчаса меня вызывает медсестра: вместо обещанных санитаров за У. Д. приехал жених, говорит, что отвезет ее сам. Неопрятный мужик лет пятидесяти, обильно надушенный дешевым одеколоном. Вид безумный, видно, что не только торгует, но и сам торчит.

– Вы же сказали, что едете в лечебницу.

– Раз сказала, значит, еду. – На лице уже совершенно другая улыбка.

– Вы уверены?

– Эй, мистер, ты как разговариваешь с моей невестой!

²⁵ Доктор сказал, что я должен срочно лечь спать.

– Успокойся, бэби, все в порядке. – Она целует своего защитника в шею и наскоро собирает вещи трясущимися руками.

«Вот на что уходят деньги налогоплательщиков», – говорю я медсестре, когда мы выходим из палаты. Но поза выдавшего виды медика у меня выходит криво, идиотская впечатлительность желторотого ординатора налицо. Соглашается: «Конечно, доктор».

7

В начале зимы мы узнали о предстоящей ревизии: какие-то важные лица из государственного ведомства, о неограниченных полномочиях которого можно было судить по количеству букв в аббревиатуре, собирались разглядывать сквозь лупу всю подотчетную деятельность госпиталя. От результатов экспертизы зависело будущее Сент-Винсента.

Весь декабрь нас по очереди вызывали на приватные разговоры с начальством. Начальство запирало дверь кабинета, предлагало чай или кофе, засим начинало выуживать подноготную, особенно интересуясь оценкой работы коллег. По пятницам вместо пэппимских семинаров в конференц-зале теперь устраивались административные собрания, из которых я понял, что финансовые дела у нас идут хуже некуда. Врачей призывали не заказывать лишних тестов, экономить на томографии, обходиться по возможности без профилактических процедур. Дошло до того, что нас попросили не выбрасывать прочитанные номера медицинских журналов, а сдавать их в больничную библиотеку, чтобы администрация могла сэкономить на подписке.

Для непримиримого Энтони Оникепе предревизионная суматоха стала сигналом к действию. «Эти хмурые сверху, они не просто так. Я этого балагана еще в Нигерии насмотрелся: если санитарный инспектор заглядывает под кровать, он ищет там орешки кола, а не личинки москитов. Но допросы, которые учиняет наше руководство, очень кстати. Надо воспользоваться случаем». Идея, созревшая в голове моего приятеля, была до неприличия завиральной: речь шла ни много ни мало о гражданской войне с сопутствующими чистками и террором. Для подрывной работы нужна ячейка единомышленников, и Энтони воззвал к африканским собратьям по ординатуре, приплюсовав к ним для кворума и меня. «Наша медицина – это тонущий корабль, – говорил зачинщик, вдохновленный речами Обамы, на первой сходке в «Эдуому». – Чтобы спасти положение, надо не макулатуру в библиотеку таскать, а избавить медицину от тех, кто не должен ею заниматься». Первой жертвой предполагаемых чисток должен был стать человек с чарли-чаплинской походкой, доктор Рустам Али.

Вскоре по почтовым ящикам Сент-Винсента разошлось открытое письмо, адресованное генеральному директору госпиталя. Авторы письма (в конце стояло пятнадцать ординаторских подписей) выражали готовность содействовать разработке новых стратегий, направленных на повышение качества медицинского обслуживания. Далее следовал ряд предложений, связанных с заполнением реквизитов и прочей чепухой административно-хозяйственного порядка. Последним пунктом шла филиппика против Рустама. Заведующего паллиативным отделением обвиняли в халатности, в неоднократно проявлявшейся профессиональной некомпетентности и, наконец, в человеческой черствости, недостойной врача. Собственно, все это было чистой правдой.

Грозы не воспоследовало. Не было даже отдаленных раскатов. Только мелькавшие от случая к случаю фразы «наши листовщики» и «трибунал Оникепе» свидетельствовали о том, что письмо было прочитано. «Не хотят по-хорошему – не надо. Это только начало!» – упорствовал глава трибунала. Наконец отметившихся в письме повстанцев начали приглашать по одному на аудиенции за закрытой дверью.

«Алекс, акваба, во хо тэ сэйн!»²⁶ – заулыбалась Виктория Апалоо. Слева от нее восседал председатель совета директоров Ричард Гольдфарб, а по правую руку – посрамленный Рустам Али собственной персоной. Весело переглянувшись с коллегами, Апалоо пошла в атаку: «Я думаю, Алекс, ты уже слышал от своих друзей, что мы устраиваем перекрестные допросы, да и вообще используем самые что ни на есть brutальные методы, чтобы добиться от вас чистосердечного признания и раскаяния в содеянном. Вас, ребята, послушать, так у нас тут прямо испанская Инквизиция! Вот что значит чрезмерное увлечение художественной литературой. Честно говоря, меня огорчило ваше послание. Речь идет о серьезных вещах, о том, что наша больница еле сводит концы с концами. А вы всё играете в детские игры, сводите какие-то личные счета... Пора подрасти, ей-богу. Но вызвала я тебя не за этим, а просто чтобы сказать: все в больнице очень довольны твоей работой. Даже медсестры, а они у нас, как ты знаешь, самые придирчивые. Словом, я тебя поздравляю. Мо вайады!»²⁷ Кроме того, я хотела представить тебе нашего нового заведующего ординаторской программой, доктора Рустама Али. Со следующего месяца я передаю ему бразды правления». При этих словах преемник отмерил чайную ложку улыбки.

Как и следовало ожидать, о «трибунале Оникепе» больше не было ни слова. Историю с письмом замяли, а обещанная ревизия так и не состоялась.

Через месяц приемная комиссия занялась рассмотрением заявлений на будущий год, и в больнице стало известно о негласном постановлении не принимать больше африканцев – по крайней мере в ближайшие год или два. После всего случившегося эта новость никого не удивила. Удивляло то, что идея новой «расовой квоты» исходила, как вскоре выяснилось, от самой Апалоо.

Третий день подряд снится одно и то же. Законный шум превращается в знакомую мантру дежурного пейджера: «Код 99! Код 99! Палата номер...» «Код 99» – это позывные SOS, вызывающие смесь тошноты и адреналина на уровне павловского рефлекса. Я бегу по лестнице, по коридору. Странная аберрация: сон, не переинчивающий, а с точностью воспроизводящий реальные события. Как будто есть один-единственный сценарий, и отступления от него невозможны даже во сне.

В центре сна – шестидесятилетний латиноамериканец, бессловесный, приземистый нелегал из тех, что работают на наличные и живут по семеро в одной комнате; о чем существовании узнают только при поступлении в больницу. Это пациент, которого мы с Энтони безуспешно откачивали в течение часа... Трудно поверить: семь месяцев тому назад.

В тот день он попал к нам вместе с женой. У обоих диабет. Анамнез, уместающийся в несколько строк, – один на двоих: накануне купили в супермаркете торт, чтобы отметить годовщину свадьбы. Диабетический кетоацидоз. Ее положили в палату на седьмом этаже, его – на восьмом. Через час после поступления с ним случился обширный инфаркт.

Снится испуганная старуха в домашних илепаницах и васильковой ночнушке. Как во время СЛР²⁸ санитары прикатали ее в инвалидном кресле с седьмого этажа и как, увидев сгрудившихся медиков, она стала звать мужа, кричать, чтобы его не убивали, а когда ее подкатили к нему, гладила по руке и уговаривала проснуться. «Нет, это никуда не годится. Ей нужно дать

²⁶ Алекс, добро пожаловать, как поживаешь?

²⁷ Так держать!

²⁸ Сердечно-легочная реанимация.

успокоительное и отвезти обратно», – вмешался Пэптим. До этого он только молча наблюдал за происходящим.

Несколько раз пульс удавалось восстановить, но через две-три минуты дефибриллятор снова фиксировал асистолию.

– Надо связаться с детьми, – скомандовал Пэптим. – Есть у них дети? Все это бесполезно, но правила надо соблюдать. Нам требуется разрешение от кого-нибудь из членов семьи, чтобы остановить реанимацию.

– У них нет детей.

– Братья, сестры, еще кто-нибудь?

– В медкарте не указано никаких контактов. Может, у супруги спросить, если она еще не уснула?

– Можно попробовать. Значит, один из вас идет тормошить супругу, а остальные продолжают СЛР. Вперед.

К тому моменту, как я спустился на седьмой этаж, чтобы выяснить, есть ли у них родственники, успокоительное уже успело подействовать. Снится, как она смотрит на меня спокойно-отсутствующим взглядом, кивает, не понимая моих слов, и невпопад отвечает вопросом: «Ему уже лучше?» Как сиделка укладывает ее спать... Пэптим, снимающий очки и устало трущий глаза: «Ладно, можно не продолжать».

Возвращаясь в ординаторскую, я слышу, как из больничного репродуктора – по логике все того же голливудского монтажа – доносится шкатулочная мелодия колыбельной: это значит, что на пятом этаже, в отделении акушерства и гинекологии, только что родился ребенок.

8

После дежурства я, как обычно, зашел в «Эдуому», держа наготове радостное «этэ сэйн», но уже в дверях понял, что сегодня никакого этэсэйна не будет: Энтони с носорожьим видом промчался мимо меня, оставив Нану обескураженно сидеть за столиком.

– Какая муха его укусила?

– Энтони сделал мне предложение, – с расстановкой сказала Нана.

– Ого... Судя по его виду и по отсутствию кольца, ты ему отказала.

– Какое кольцо? О чем ты говоришь? У нас это не принято. Но вывод правильный.

– А я и не знал, что у вас с ним... отношения.

– Отношения исключительно дружеские. Просто одиноко ему, вот и все. Энтони нужен человек, который будет его слушать и вытаскивать из депрессий.

– Его можно понять.

– Конечно, можно. Мне нужно то же самое. Следовательно, мы друг другу не пара. Примерно это я ему и сказала.

– И что он?

– Попросил, чтобы я старалась не попадаться ему на глаза.

– Может, отойдет?

– Не думаю. Нигерийским мужчинам отходчивость не свойственна. Оно и к лучшему. Мне здесь в любом случае пора закругляться. Особенно после истории с артеренолом.

– Что за история с артеренолом?

– А я разве тебе не рассказывала? Это еще на прошлой неделе случилось. Я отлучилась на пять минут в медсестерскую, а когда вернулась, увидела, что у моего пациента вместо ванкомицина висит капельница с артеренолом²⁹.

– То есть кто-то ошибся?

– *Ошибиться* в данном случае могла только я. Но я этого не делала.

– Ты шутишь.

– Зачем мне шутить? Если бы я не заметила, был бы «код 99».

– Кто же мог такое сделать?

– Уж не знаю кто. Доказательств у меня нет.

– А подозрения?

– Недоброжелатели всегда найдутся, а уж среди медсестер особенно.

– Ты Энтони все это рассказывала?

– Боже упаси. Он бы, чего доброго, взялся, как он это любит, вывести злодеев на чистую воду. И сделал бы только хуже. Не надо мне никаких разбирательств. Надо просто собрать вещи и тихо уйти. Попрошу в агентстве, чтобы меня досрочно перевели. Кажется, это можно. Будешь навещать меня в Аризоне, или куда там меня теперь пошлют.

– Ты что, правда решила уехать?

– «...И пришло разрушение»³⁰. Нам, африканцам, не привыкать. Я, кстати, так и не спросила: почему тебя так тянет в Африку?

– В Африку?..

– В Африку, в Африку. Туда, где негры живут. Что с тобой?

– Не знаю, по привычке, наверное.

– Что – по привычке?

– В Африку тянет по привычке. У меня это идея фикс еще с первого курса мединститута.

– А тогда почему тянуло?

– Жажда экзотики, юношеский максимализм.

– Ну-ну.

– Не знаю я, Нана, почему меня постоянно куда-то тянет. То есть знаю, наверное. Я ведь эмигрантское отродье, в Америке русский, в России американец. Человеку, который не здесь и не там, надо ехать в Африку. Преодолеть закон исключенного третьего.

– Понимаю: санкофа.

– Что?

– Сан-ко-фа. Как бы ты это перевел?

– Вернуться, чтобы взять... Вернуться, чтобы что-то взять.

– Правильно. Санкофа – это из адинкра, из наших символов. Я вот тоже всю жизнь живу, как будто это все – так, на время, а в один прекрасный день я все брошу и благополучно вернусь домой. Хотя где этот дом, я понятия не имею. Надо, мне кажется, сменить установку. Пожить без костылей. Тогда никакая Африка не понадобится... Но в Гану ты все равно поезжай, тебе там понравится. Вон ты уже как на чви болтать начал – зря, что ли, старался?

Через неделю она уехала. За день до ее отъезда я договорился с Маоли, и мы устроили отвальную. Супруги Онипа, как всегда, приготовили пир на весь мир, но праздник получился на тройку – много случайного народу, какое-то машинальное и бессмысленное оживление, всё не так. Дружба с Энтони угасла сама собой. В больнице мы пересекались редко. Периодически созванивались, вкратце сожалели, что давно не виделись, давно пора наверстать, но на этой неделе никак, может быть, на следующей, в общем, держим связь... Нана присылала из Ари-

---

²⁹ Ванкомицин – антибиотик, артеренол – препарат, использующийся в реанимации для повышения артериального давления.

³⁰ Название самого известного романа нигерийского писателя Чинуа Ачебе.

зоны письма, которые подписывала «Nochka», пытаюсь воспроизвести запомненное со слуха русифицированное обращение. Не «Ночка», а «Наночка»! «Nochka» means «Little night». Little night? That's even better³¹.

Воскресным утром за окном голосит неотложка, и через пять минут отряд парамедиков в синих джемперах, с носилками наперевес штурмует квартиру, возвещая о своем прибытии воинственным «CLEAR!» – «Дорогу!». WHAT IS HER NAME? WHAT IS THE PATIENT'S NAME? «Хёр нэйм?» – переспрашивает мама. HER NAME, HER NAME! DOES ANYONE HERE SPEAK ENGLISH? Они хотят знать, как ее зовут. Хёр нэйм из Соня...

Сонья, Сонья! Ражий парень с ирландским трилистником на запястье выволакивает пациентку на середину комнаты, разрезает ночнушку, наклеивает присоски для ЭКГ. Его напарница поднимает с пола пустой пузырек из-под снотворного. DID SHE TAKE THIS? SONYA! WHY DID YOU TAKE IT, SONYA?³² Отзываясь на имя, искаженное иностранным произношением и обезличенное смертью, бабушка Соня коротко всхлипывает, но возвращается в сон, как будто решив, что обращались не к ней.

---

³¹ «Ночка» значит «Маленькая ночь». – «Маленькая ночь»? Это даже лучше (англ.).

³² Она пила это? Зачем ты это пила, Соня? (англ.)

Часть II. Эльмина

1

– *American? Красный Крест? Нет? Все равно аквааба, мы тебя ждали, – тараторит фельдшер, уступая мне место. – Видел толпу пациентов в приемной? Все эти люди ждут тебя!.. Ну, до завтра. – И, перекинув халат через спинку стула, направляется к выходу.*

– *Но мне никто так и не объяснил толком, что к чему...*

– *А чего объяснять-то? – Фельдшер оборачивается в дверях, делает суровое лицо. – Есть лекарство от мар-ляши³³, есть амоксицир-лин. Что еще? Больных будешь вызывать вот по этому списку. Ничего сложного!*

В этот момент из-за спины фельдшера, в узком проеме между косяком и дверью, появляется миниатюрная женщина с тремя детьми. Женщина явно рассчитывает промывгнуть в кабинет мимо фельдшера, но тот резко подается вбок и, прижав ее всем своим весом, рывкает себе под мышку:

– *Хван на афрэ уо? Оби афрэ уо?*³⁴

– *Докета на уафрэ...*³⁵

– *Докета дье, нэни абрэ. Кочвен коси сэ эбефрэ уо, уэй?*³⁶

– *Дээби, ме сезеи хо*³⁷, – *вмешиваюсь я.*

Фельдшер удивленно оглядывает меня и, сердито причмокнув, вваливается обратно в кабинет – видимо, решив, что, хотя сложного ничего и нет, оставлять меня без присмотра все же не стоит. Заняв свое прежнее место (для меня нашелся другой стул), фельдшер небрежно машет пациентке, которая, впрочем, и без его команды уже переступила через порог и теперь – за неимением третьего стула – переминается у входа, окруженная голопузым выводком.

– *ОК, бра, шеше бээби атена асэ. Уамманье?*³⁸

Женщина подталкивает к «следовательскому» столу свой детсад: речь пойдет не о ней, а о них. Сама же заходит с другой стороны и, наклонившись, пускается в объяснения – скороговоркой и шепотом. Здесь так принято. О симптомах болезни, даже если это – обычный насморк, пациент сообщает врачу на ухо. Даже если рядом нет никого, кто бы мог (а уж тем более захотел) подслушать.

...То же самое торопливое бормотание я услышу два дня спустя, когда, гуляя по городу после окончания работы, встречу ее на улице. «Тсс... Тсс... Мистер... Уокае ме анаа?»³⁹ Я рад встрече: как-никак она – моя первая пациентка в Эльмине. Вернее, не она, а ее двухлетний Айзек, которому я с торжественным видом выписывал рецепт на таблетки от малярии.

³³ Ганцы часто путают «р» и «л» в английских словах, так как в аканских языках звук «л» практически отсутствует.

³⁴ Кто тебя вызывал? Тебя кто-нибудь вызывал?

³⁵ Доктор вызывал...

³⁶ Доктор занят. Иди и жди, когда тебя вызовут, поняла?

³⁷ Нет, я готов.

³⁸ ОК, заходи, найди себе, где сесть. На что жалуешься?

³⁹ Ты меня помнишь?

Теперь Айзек спит в цветистом платке у нее на спине, а еще двое – мальчик и девочка – шлепают рядом. И теперь, следуя за мной по всему городу, она будет повторять одно и то же – сначала весело, потом все более уныло и неотвязно, в то время как я буду улыбочиво делать вид, что не понимаю, хотя что уж тут непонятного: Айзек три дня ничего не ел, эком дэ но паа⁴⁰, вот она и просит мистера помочь, предлагая взамен «услуги»... Но я буду цепляться за свое непонимание, буду врать себе, пока наконец не сдамся и не попытаюсь откупиться от стыда несколькими купюрами. Но, получив деньги, она не исчезнет, а наоборот – еще настойчивей станет тянуть меня куда-то домой, где ждут обещанные услуги. И тогда я шарахнусь от нее: «Дээби, дээби, менхийя...»⁴¹ – и внезапно проснувшийся Айзек дернется от мушиного укуса, чудом удержавшись в наспинной люльке.

Клиника, где я оказался в качестве врача без границ, находилась по адресу Трансафриканская магистраль, дом три. Дом четыре принадлежал семье Обенг, у которых я, как и другие волонтеры, приезжавшие до меня, снимал комнатку – с доплатой за вентилятор и кровать. Остальные дома, расположенные вдоль этой тихой улицы с громким названием, не были пронумерованы, так что любой из них мог бы запросто стать первым домом на Трансафриканской магистрали, если бы хозяевам взбрело в голову обзавестись соответствующей табличкой. Но вопрос о первенстве не интересовал домовладельцев; на тесно сгрудившихся жилищах красовались вывески иного толка. Парикмахерская «Иисус». Магазин электротоваров «Сила Господня». Травяная аптека «Бог в помощь». Каждая лачуга размером с дачный сарай служила одновременно жилым домом и помещением для бизнеса, торговой точкой. Вся улица (да что там улица – весь город, а то и вся страна) выглядела как одна бесконечная барахолка или коммунальный коридор, где самые разные вещи выставлены на всеобщее обозрение. Чего только не увидишь среди сугробов хлама по краям грунтовой дороги – от нижнего белья до холодильников; от картонных колонн и прочей бутафории, выкрашенной под мрамор, до завернутых в банановые листья батончиков кенке⁴²; от облицовочной плитки до автомобильных капотов, похожих на отрубленные головы океанских чудищ, в комплекте с фарами, радиаторами и бамперами.

Разрыв между вывеской и действительностью может быть сколь угодно велик. Так, над входом в хижину, крытую плетенкой из пальмовых листьев, крупно выведено «Автопарк» или «Библиотека». Название ни к чему не обязывает, обязательно лишь воззвание. Бензоколонка «Аминь», продмаг «Аллилуйя». «Дже Ньяме»⁴³. «Энье маходэйн»⁴⁴. В рыбацком городке Эльмина, насчитывавшем около двадцати тысяч жителей, действовало более сотни церквей – и всего одна поликлиника.

Каждое утро, начиная с семи часов, женщины, навьюченные больными детьми и предметами розничной торговли (дитя – на спине, товар – на голове), занимали очередь у окошка регистратуры. К половине девятого очередь превращалась в толпу и те, кто еще час назад стоял в двух шагах от цели, теперь оказывались в задних рядах. Оттесненные наплывом, они вставали на цыпочки, чтобы издали заглянуть в недостижимое окошко. Убедившись, что в окошке по-прежнему пусто, издавали причмокивающий звук, выражавший крайнее недовольство. «Куафье! Эдьен на уооном джуэне хо? Уово аниву? Уово *kommon sensa*?»⁴⁵

⁴⁰ Он очень голоден.

⁴¹ Нет, нет, мне это не нужно...

⁴² Блюдо из сброженной кукурузной муки; употребляется в качестве гарнира к рыбе с перечной подливкой.

⁴³ Только благодаря Господу.

⁴⁴ Не своими силами.

⁴⁵ Паскудство! Что они там себе думают? Есть у вас совесть? Есть у вас здравый смысл?

Фельдшер Бен – тот, что толковал мне про «марлялию», – испарился в первый же подходящий момент, бросив с порога заведомое «меба сезеи»⁴⁶. Только его и видели. Теперь я делил кабинет с тетушкой Бретой, молодящейся толстухой с безостановочной мимикой и волосами, заплетенными в мелкие косички. Медсестра с тридцатилетним стажем, Брета вышла на пенсию три года назад, а еще через год вернулась в клинику на добровольных началах.

– Врачей-то у нас нет, – объясняла она, виновато разводя руками.

– То есть как нет?

– А вот так. Нету, и всё. Одни фельдшера да медсестры. Нам еще три года назад обещали прислать доктора из Кейп-Коста, до сих пор ждем. Ну вот, теперь зато ты приехал.

– Это что же, я единственный врач на всю Эльмину?

– Ампа, папá. Уо нкоаа⁴⁷.

Мы сидели за одним рабочим столом, друг напротив друга, и тянули медкарты из общей стопки. Основная часть доставалась Брете: за то время, которое требовалось мне для осмотра одного пациента, Брета успевала осмотреть пятерых. Иногда она обращалась ко мне за консультацией.

– Папá!

– Тетя Брета!

– Имеется пациент со свинкой... Амоксициллин?

– Почему амоксициллин? Зачем?

– Ама ти но...⁴⁸

– Но ведь свинка – вирусное заболевание.

– А-а... Ну и что тогда, артемизинин?⁴⁹

Время от времени до окружной администрации доходили слухи о печальных последствиях Бретиной «терапии». Однако администрации было недосуг разбираться, а сама Брета сокрушалась, но не теряла веру в свое призвание. Все, чего ей недоставало по части медицинских познаний, она добирала воспитательской работой. Гроза чумазных школьников, вечно врывающихся в кабинет без почтительного «мепаачеу»⁵⁰, и нерадивых мамаш, вечно обращающихся за помощью на три дня позже, чем следовало, Брета нравоучительствовала *urbi et orbi*, то и дело срываясь на крик, стуча кулаком по столу или хватаясь за стоявшую рядом швабру. Разумеется, в этих эскападах было немало игры на публику, но рано или поздно поборница чистоты нравов и вправду выходила из себя, распалялась не на шутку – зачастую без всякого повода. «Буэ уэнум нэ каса!»⁵¹ – орала Брета, отчего страдавшая заиканием школьница заикалась еще больше, а ее подбородок, отчаянно дергавшийся в речевых потугах, дрожал всё мельче – вот-вот заплачет.

– Тетя Брета, хватит!

– Извини, папá, не хотела тебя пугать.

В те благословенные минуты, когда Брета не бушевала и не выставляла провинившихся пациентов за дверь, она преимущественно жевала. «Брета дье, опэ лайф, оди нэнум»⁵², – подтрунивала медсестра-практикантка Абена, которая и сама-то была всегда не прочь подкрепиться. Каждое утро, пока долготерпеливая очередь виляла растущим хвостом перед окошком регистратуры, эти двое запирали дверь кабинета и с церемониальной неспешностью выставляли принесенный из дому завтрак: оладьи из бобовой муки или пряную кашу со странным

---

⁴⁶ Сейчас приду.

⁴⁷ Именно так, папá. Только ты.

⁴⁸ От свинки...

⁴⁹ Антималарийный препарат.

⁵⁰ Здесь: С вашего позволения.

⁵¹ Открой свой рот и говори!

⁵² Брета у нас живет от души, ест от пуза.

названием «Том Браун». По пятницам Брета стряпала также «бриби соронко»⁵³, а однажды – по случаю дня рождения Абены – приготовила даже праздничное «этор» из толченого ямса с пальмовым маслом, яйцом и вяленой рыбой: ганский эквивалент именинного пирога. Извлекая из сумки многочисленные кульки и промасленные свертки, она превращалась в сущую Пульхерию Ивановну: казалось, ничто на свете не доставляет ей большего удовольствия, чем закармливать нас с Абеной своими деликатесами. «Фа какра био, папá, вунху брибья тэсэ уэи уо Америка, о-о...»⁵⁴

Переход реальности на другой язык повергает в состояние, схожее с нарушением внутренних часов в организме – в точности как переход на другое время. Все происходит в несколько замедленном темпе, фиксируется отчасти. Ты идешь по улице или сидишь в придорожном чоп-баре среди людей, вокруг которых клубится туман непонятной речи. Ты привыкаешь к этой пелене, постепенно перестаешь ее замечать и поэтому не сразу понимаешь, в чем дело, когда однажды в пелене обнаруживается прореха, внезапный участок ясности.

Кажется, весь фокус в том, чтобы заучивать не отдельные слова, а целые пласты речи. Запоминать и воспроизводить непривычную для европейского уха просодию; обживаться в пространстве тонального языка, где «мóджá» означает «кровь», а «мóджá» – «вы оставили». Осваивать диалоги, сплошь состоящие из поговорок. Увлекательный мир идиом. Взять хотя бы телесные фразеологизмы, которые используются здесь для обозначения абстрактных понятий, составляют основу словообразования. Существительное анидасоо (надежда) происходит от выражения «Мэни да со сэ», означающего «Я надеюсь, что...», а в дословном переводе – «Мои глаза легли на то, что...». Слово анивуо (стыд) – от «Мэни аву» («Мои глаза умерли», т. е. «Мне стыдно»). Таким образом, стыд – «мертвоглазье». Смелость – «тяжелогрудье», жадность – «горькобрюшье», печаль – «забывчивосердье». Мировосприятие проступает сквозь повседневную речь, как монетный профиль – сквозь штриховку на тетрадном листе.

Этот опыт адаптации у меня – третий по счету. В одиннадцать лет я эмигрировал с родителями в Америку, в двадцать один – отправился корчить из себя свободного художника в Париж, а сейчас мне тридцать один. Никакого корня тут не извлечь – разве что узнаваемость ощущения, связанного с погружением в новый язык. Точнее сказать, в безъязычье.

2

Фельдшер Бен не вернулся ни через два дня, ни через три недели. Его загадочное исчезновение прошло почти незамеченным, как это часто бывает в Африке, где люди давно привыкли к засилью необъяснимого. Припоминали или воображали, что припоминали, будто накануне отлучки Бен кого-то о чем-то предупредил. То ли что едет в Кумаси проведать племянника, то ли что решил вернуться в родную Нигерию. Во всяком случае, рассуждали коллеги, если б случилось неладное, нам бы наверняка уже было о том известно.

Как бы то ни было, следы медицинской деятельности Бена, ни в чем не уступающей знахарству тети Бреты, продолжали обнаруживаться повсюду. Так, однажды утром приемная

⁵³ Кое-что особенное.

⁵⁴ Возьми еще немножко, папá, в Америке-то небось так не накормят...

огласилась победоносным кличем «Эбэу ммофра!»⁵⁵ и на мой стол легла «путевка в жизнь» в виде замусоленной справки из центральной лаборатории Такоради-Секонди. При ближайшем рассмотрении справка оказалась свидетельством о высокой оплодотворяющей способности ее обладателя. «Семенная жидкость в норме». Заключение размашистым почерком.

– Что ж, это прекрасная новость. Скажите, а у вас были причины подозревать обратное?

– Мепаачеу, аанэ⁵⁶. Понимаете, мы с женой три раза делали ребенка, и все три раза был выкидыш. Мы подумали, что это *окобайе*, так что, когда у нас родился Кофи, мы сделали надрезы⁵⁷, как положено. Но Кофи мы тоже не удержали, он умер через неделю, а в следующий раз опять был выкидыш. Тогда мы пошли к доктору Бену, и он направил меня на анализ... Ньяме адом, Ньяме адом⁵⁸, теперь все будет хорошо.

Историй было много, одна абсурдней и трагичней другой – сплошное раздолье для новоиспеченного медика, желающего почувствовать себя спасателем и экспертом. Врач без году неделя, я с удовольствием приносивался к интонации просвещенного «большого брата».

– Тетя Брета!

– Папá!

– Вчера вечером к нам поступил пациент по имени Джозеф Обимпэ. Вот его медкарта. Вы принимали этого пациента?

– Принимала, папá.

– Интересный случай. Годовалый ребенок отправил в рот целую упаковку родительского слабительного. Со всеми вытекающими последствиями.

– Точно, папá. Последствий вытекло много.

– Вот-вот. Мне казалось, в таких случаях первым делом ставят капельницу и вводят физраствор. Вы ввели физраствор, тетя Брета?

– Мепаачеу, доктор, в нашей аптеке не было физраствора. Но я дала ему метронидазол.

– Вот об этом я и хотел с вами поговорить. Метронидазол – антибиотик, его назначают при кишечных инфекциях. Разве у нашего пациента наблюдаются признаки кишечной инфекции?

– Наблюдается понос... Уако тойлет.

– Но ведь мы-то знаем, из-за чего *уако тойлет*. Знаем, тетя Брета?

– Знаем, доктор. Из-за слабительного.

– Так с какой стати мы прописываем ему метронидазол?!

Тетя Брета виновато улыбалась. Брета Одоом, годившаяся мне в матери, не обижалась на мой начальственный тон и не напоминала о том, что не далее как на прошлой неделе я пропустил язву Бурули, приняв ее за ожог... Все они улыбались, признавали свое невежество, благодарили приезжего доктора за преподанный урок. И продолжали упорно верить в то, что малярия вызывается избыточным употреблением в пищу маниока, а вовсе не плазмодиевой инфекцией. Продолжали направлять пациентов на анализы семенной жидкости и прописывать метронидазол. «Ведь соглашаются же, благодарят... Прикидываются дурачками. А на самом деле это они нас держат за дураков, – заключил врач-педиатр из Канады, с которым я разговаривал однажды в автобусе по пути из Аккры. – Ничего не меняется и никогда не изменится...»

Но канадец ошибался. В их готовности благодарить и соглашаться не было ни тени лукавства. Однако то, что белокожему представляется содержанием, для африканца – всего лишь

⁵⁵ У нас будут дети!

⁵⁶ Уважительная форма утвердительного ответа (дословно: «Я прошу вас, да»).

⁵⁷ Окобайе – ребенок-дух (дословно: «возвращенец»), раз за разом умирающий при родах или во чреве матери. В семьях, потерявших больше чем одного ребенка, новорожденному делают вертикальные надрезы на щеках. Считается, что меченый окобайе уже не сможет вернуться в мир духов и будет вынужден остаться среди живых. В Эльмине часто можно встретить людей с характерными шрамами на лицах: живое свидетельство высокой детской смертности.

⁵⁸ Слава Богу.

форма. То, что кажется неизменным, может измениться в любую минуту самым непредвиденным образом. Незащищенность – руководящий принцип, фундамент, на котором строится жизнь со всеми ее поверьями и вековой инертностью. Это свойство климата, изначальная данность окружающей среды. Аборигены Эльмины продолжали гнуть свою линию, потому что, поменяв одно, надо было бы поменять и все остальное, и никакой заморский светоч не смог бы дать им гарантию, что столь кардинальные изменения приведут к улучшению, а не наоборот.

После работы я шел гулять по поселку, останавливаясь у каждой хижины, откуда меня окликали по имени полужнакомые люди.

– Ий, доктор Алекс! Вуко хэ? Уопэ адиди бриби? Уопэ сэ мепам адье ама уо?⁵⁹

Никто не одинок, все охвачены заботой и сплетней. Никогда не запираемые двери лачуг выходят в общий двор, где женщины стряпают еду на углях или стирают нарядные платья в сточных канавах. Пятилетние дети таскают младших братьев-сестер на спине, и никто не боится отпустить ребенка гулять одного, потому что весь мир состоит из родни, из дядюшек и тетюшек, всегда готовых прийти на помощь (или отшлепать чужое дитя, как собственное, если дитя нуждается в воспитании)... При этом потомство заводят «с запасом» – из расчета, что выживут не все, спасибо, если половина. Что ни день, из близлежащих селений слышится узнаваемый клич говорящих барабанов: «Ммара! Ммара!» Барабаны предупреждают мертвых, что среди них произойдет рождение...

В одной из хижин мне сшили африканский костюм, в другой – рубаху и батакари⁶⁰. Радужные хозяева угощали супом из улиток абунобуну, супом из окры, супом из земляных орехов. После трапезы гостя принято приглашать в дом для подробных бесед о том о сем; в моем случае – для обоюдной вежливости и неловкого молчания. Уставясь в тарелку с супом, я думал о той Африке, которую выбрал себе в качестве мечты чуть ли не на первом курсе мед-института. О мечте, притягательной своей несбыточностью; устремленной в неведомое пространство... И вот я здесь.

Базарная площадь в преддверье джуа⁶¹, утреннее столпотворение: женщины с грудными детьми, проповедники и колдуны, козы, куры, прочая живность. Посреди площади, прямо на земле лежат мальчик и девочка. «Доктор Алекс, бра ха!» – одна из торговек подзывает меня и показывает на детей. Что-то с ними не то – не взглянешь, доктор? Слезящиеся полужакрты глаза, учащенное дыхание, толстый оранжевый налет на языке... Куда смотрит их мать? – Не мать, а матери – они у них разные. – От базарной толпы отделяются две женщины с товарными подносами на головах.

– Сколько времени они у вас так лежат?

– Менаачеу, нна ммьенса. Эйе бонэ?⁶²

– Да, очень серьезно. Эсе сэ моко клиник сеэсеи ара⁶³. У меня сейчас срочный вызов, но я вернусь не позже чем через час и буду ждать вас в приемной. Слышите, я буду ждать вас в клинике через час. Эйе бонэ па-па-па-па-па-па!⁶⁴

– Ибэба, ибэба⁶⁵, – энергично кивают женщины. Скорее всего, не придут.

⁵⁹ Куда идешь? Хочешь поесть? Хочешь, я сошью тебе наряд?

⁶⁰ Просторное платье, распространенное в северной части страны.

⁶¹ Базарного дня.

⁶² Три дня. Это серьезно?

⁶³ Вы должны пойти в клинику прямо сейчас.

⁶⁴ Это очень-очень серьезно!

⁶⁵ Мы придем, мы придем.

Прежде чем вернуться в клинику, мы с Абеной должны нанести визит в цирюльню на противоположном конце площади: это и есть мой срочный вызов. Пятнадцатилетняя девочка, помощница парикмахерши, жалуется на маточное кровотечение... Сегодня утром у нее случился выкидыш после того, как тридцатидвухлетний сосед, от которого она и забеременела, переусердствовал, удовлетворяя свои мужские потребности. Повитуха применила «народное средство» – видимо, что-то вроде спорыньи, – но кровотечение не прекратилось, и старшая парикмахерша, озаботившись здоровьем подопечной, послала за доктором. В больницу они не хотят, но на лечение на дому согласны. «Лечение» – это сильно сказано. Изотонический раствор, эргометрин и антибиотик – минимум того, что предписывает современная медицина, и максимум возможного здесь. Умелая Абена помогает провести гинекологический осмотр, проверяя на сохранение частей плода в полости матки, пока за васильковой ширмой мылится мыло и пенится пена, продолжают бритье и стрижка.

3

На фоне однообразных халуп, сколоченных из трухлявых досок, крытых толем пополам с соломой или ржавым листовым железом, обнесенное штакетником бунгало «Суматра-хаус», принадлежащее Фрэнсису и Люси Обенг, казалось если не королевским дворцом, то как минимум особняком колониального наместника. Дед Люси, выстроивший этот коттедж с полвека назад, был видным общественным деятелем, внесшим немалый вклад и т. д., о чем свидетельствовал кенотаф посреди участка. Половина дома сдавалась приезжим медикам. Вторая половина была отведена под музей, посвященный африканским солдатам-вольнонаемникам, которые сражались в Голландской Ост-Индии в середине XIX века. Цена входного билета – пять ганских седи – была умеренной: в коллекции имелось достаточно интересных экспонатов, включая старинные дагеротипы, рукописи и даже чучело дикого индонезийца в натуральную величину. Тем не менее за все время моего проживания в «Суматра-хаусе» не побывало ни одного посетителя.

Чтобы не терять форму, попечительница музея проводила экскурсии для своей трехлетней дочки Юнис, а заодно и для меня. Раз за разом я слушал про вольнонаемников, про историю племени фантсе, перенесшую, словно волны эпидемии, высадки португальских работорговцев, голландских золотоискателей и, наконец, английских миссионеров-колонизаторов. Про двух принцев, Квези Боаче и Кваме Опоку, отданных на откуп европейцам.

«Их увезли в Голландию, чтобы сделать из них голландцев. Но Кваме Опоку, сколько он там ни жил, все грустил по дому. Его дыханье ломалось, как у нас говорят. И в душе у него все было перевернуто вверх дном, как в доме, где побывал грабитель. И тогда голландцы решили отправить его домой. Возвращается Кваме в Эльмину, и как раз в этот день умирает король ашанти. Кваме пишет к обаахема⁶⁶ в Кумаси⁶⁷, что вот он вернулся и готов занять трон. Но тут выясняется, что он, пока жил в Голландии, разучился говорить на чви. А тот, кто не знает языка, как он может стать королем? И обаахема отвечает: ты – наследник престола, но, прежде чем ты предстанешь перед старейшинами, ты должен вспомнить родной язык. И дает ему срок. Но Кваме живет в эльминской крепости, окружен одними аброфоо⁶⁸ – где ему вспомнить чви?

⁶⁶ Царица-мать, возглавляющая совет старейшин, в чьи обязанности входит назначение нового короля.

⁶⁷ Столица королевства Ашанти.

⁶⁸ Белые люди.

И когда он понял, что не сможет вернуться в Кумаси, он покончил с собой, и теперь похоронен у нас в Эльмине...

А Квези Боаче, он – не то, что Кваме Опоку. Все, о чем он мечтал, – это стать европейцем. Он ел их еду, носил одежду, и его душа была радостью. Он и вел себя как голландский принц. Но Боаче – это ганский принц, не голландский. И когда прошло достаточно времени, голландцы сказали: ты – ганский принц, возвращайся к себе на родину. А Квези-то уже знал все, что случилось с его братом, он им говорит: не хочу, чтоб со мной случилось то же, что с Кваме, не хочу возвращаться, мое место здесь. И голландцы не знали, что с ним делать, и в конце концов они дали ему участок земли на Суматре и отправили его туда. Там он и умер...

Иногда слушателей оказывалось больше: как и во всех относительно благополучных африканских домах, у Обенгов постоянно обреталась стайка «своих». «Свои» не были родственниками (родственники тоже имелись, но, обзаведясь собственными семьями, навещали значительно реже); это были полуслучайные люди в поисках домашнего очага, зашедшие на огонек и оставленные в качестве домашней прислуги. Со временем они становились почти частью семьи. Двенадцатилетняя Филомена помогала Люси на кухне и заботливо присматривала за Юнис. Четырнадцатилетний Дэниел выполнял «мужскую» работу по дому. Он мечтал играть на электрооргане в какой-нибудь большой церкви. Каждый вечер он упражнялся на детском пианино, которое подарили Юнис на день рождения.

Старшим из домочадцев был сторож Кваме. Ни чви, ни английского он не знал, говорил исключительно на фантсе⁶⁹. Я с трудом понимал его речь, все эти «дз» и «тс», свойственные местному выговору и несвойственные ашанти-чви. По возрасту он был скорее «дедушка Кваме», но никто его так не называл. Называли «Кваме Большой» (в противоположность студенту-медику, который тоже носил имя Кваме – «Кваме Маленький»). Если учесть комплекцию сторожа, это прозвище звучало вполне издевательски. Беззубый и безволосый доходяга в джинсовом комбинезоне на голое тело, он появлялся к ужину, но есть никогда не ел, а досиживал до того момента, когда подавали еду, после чего тихо уходил и уводил детей. Детей было двое – мальчик и девочка, улыбочиво-молчаливые, как он сам. Некоторое время назад жена Кваме неожиданно бросила семью (говорили: сошла с ума, сбежала в другой город, видимо, прихватив, что было). С тех пор Кваме Большой ночевал на крыльце у Люси. Кто-то из моих предшественников подарил ему противомоскитную сетку; сторож подстилал ее вместо циновки и укладывал на нее детей. Сам он спал прямо на бетонном полу, под грохот «проповеднического» радио, которое врубал на полную громкость перед тем, как улечься.

Чем они питались, где и как жили в дневное время, бог весть. Как вообще живут люди изо дня в день? Чужая жизнь – потемки, особенно там, где электричество отключают каждые пять минут. «Уж лучше бы отключили насовсем! – сетует в камеру местный житель по имени Данква или Менса, эпизодический, но обязательный персонаж ежевечернего выпуска новостей. – Уж лучше бы отключили насовсем. По крайней мере тогда мы могли бы срезать провода электропередач и разжиться хорошей медной проволокой!» В некоторых деревнях именно так и делают... За один прошлый год было зафиксировано несколько сотен смертельных случаев.

Раз или два в доме появлялись и вовсе посторонние люди, калики перехожие, обращавшиеся к хозяйке на неповторимом пиджин-английском:

– Ий, сестра, мой меньшей и я-то, мы пойдем путь поедом. Сам что знаю сказать, сестра, что состряпай нам, оу, поедом возьмем в дорогу.

– Я что думаю, брат, что состряпаю будет скоро, – отзывалась Люси, ничуть не удивляясь вторжению незнакомцев.

⁶⁹ Ашанти-чви, фантсе, чви-аквиापем – аканские языки, соотносящиеся друг с другом примерно как русский, украинский и белорусский.

Как истинная африканка, Люси Обенг понимала время по-своему – в каком-то «интуитивном» смысле. Кажется, за всю свою сознательную жизнь она ни разу не сверилась с часами. Время было неделимым потоком, где каждодневные события и дела – встретить Юнис из школы, приготовить обед, сделать задание по биологии (заочные курсы) – естественным образом перетекали из одного в другое. Надо ли говорить, что, живя таким образом, Люси никогда не спешила и никуда не опаздывала? Но что в данном контексте может означать фраза «будет скоро»? Нюансы временных понятий заложены в языке, и тут у ашанти закручено похлеще, чем у любого Бергсона. Так, аканское слово *da* имеет два значения: 1) «день», 2) «никогда». При удваивании гласной получается слово *daa*, которое означает «всегда» или «каждый день». Итак, *da* или *da bi da* – это «никогда», а *daa* – «всегда». При этом *da bi* (где *bi* – неопределенный артикль) означает «когда-нибудь», а *daabi* означает «нет». Взаимопроницаемость «да» и «нет», «когда-нибудь» и «никогда», вся эта диалектика – не больше чем часть обыденной речи. И далее: можно выстроить целый синонимический ряд слов, означающих «вечность» (*daapem, beresanten, afeboo*) или указывающих на отдаленное будущее (*da bi, daakye, akuire*). А вот слова, означающего «скоро», в языке чви просто не существует, и носители языка вставляют английское *soon*, – если вообще оперируют этим понятием.

Незнакомцы размещались на кухне и принимались ждать обеда. Узнав, что я из Америки, приступали к расспросам:

– Нам говорили, что в Америке стариков отправляют в отдельные дома, где их никто не навещает. Это правда?

– Как вам сказать...

– У нас такого бы не случилось. Здесь стариков почитают. Это связано с нашей религией.

– С христианством?

– Нет, с той, которая была раньше. Знаешь историю про старуху и Бога?

– Вы имеете в виду – про старуху, которая толкла фуфу? – Эту сказку я когда-то слышал от Наны. В незапамятные времена небо было близко, Бог был рядом. И вот старуха-прародительница стала толочь фуфу и, орудуя пестом, то и дело задевала Бога, живущего этажом выше. Некоторое время Бог мужественно терпел эти тычки, но в конце концов не вытерпел и переехал на верхние этажи. С тех пор до него не достучаться.

– Уайе адье, вуним ньиная!⁷⁰ – одобрил мои познания неожиданно появившийся на пороге хозяин дома. – До нашего африканского Бога не достучаться, но старость близка к Переходу, а значит – к Нему. Овуо ачверье баако мфоро. Слышал такую пословицу? А? Я говорю: овуо ачверье баако мфоро. Лестница смерти не рассчитана на одного. Уходящий наделяет готовностью всех живых.

4

Фрэнсис Обенг был учителем младших классов. По утрам, разбуженные чуть свет истошным кукареканьем соседского кокоопаньин⁷¹, мы начинали параллельные сборы: я – в больницу, он – в школу. Он брал розги и туго набитый портфель, я – стетоскоп и справочник инфекционных заболеваний. Он – в накрахмаленной белой рубашке и джинсах «Wrangler», я – в относительно белом халате, опрысканном противомоскитной дрянью. Засим вышагивали по бездорожью мимо киосков «Tigo», «MTN» и «Vodafone» (когда-нибудь, когда процесс культурной глобализации выйдет на финишную прямую, фотопейзажи Америки, Африки и Европы будут отличаться друг от друга названиями телефонных компаний, чьи рекламные лозунги узурпируют жизненное пространство).

⁷⁰ Молодец, всё знаешь!

⁷¹ Дословно: «куриный старейшина».

Школа представляла собой длинную деревянную постройку с крупными незастекленными проемами, нечто среднее между баракком и беседкой. В классной комнате на самом видном месте висел плакат с изображением персонального компьютера; основные части были помечены жирными стрелками. Вот монитор, вот процессор, вот клавиатура. Эта схема была единственным способом ознакомить учеников с анатомией ЭВМ, так как шансы увидеть этого зверя вживую были крайне невелики. Впрочем, отсутствие компьютера – дело двадцатое. В педагогическом инструментарии не хватало и других, куда более доступных вещей. Ни карты с глобусом для будущих путешественников, ни колбочек с чашками Петри для юных натуралистов. Ни стандартных учебников как таковых. Попросту говоря, в школе не было ничего. Или почти ничего. Что-то, наверное, все-таки было.

Стены, парты, школьные формы – все было выкрашено в коричневый и желтый. Выбор цветов был неслучаен: что-то, связанное с символической расцветкой кенте или с иероглифами адинкра. Ганские традиции – это клубок, который запросто не распутать: любая цветовая гамма соответствует какому-нибудь ритуальному танцу; танец отсылает к одной из многочисленных пословиц; пословицу не понять, если не знать того или иного эпизода из истории ашанти...

«Мысль африканцев устанавливает равновесие между всеми вещами посредством системы символов. Цепь символов ведет нас путем гармонической игры оттенков и неуловимых переходов от арфы к ткани, от одежды к слову творца, от демиурга к обломкам». Эту формулировку я вычитал у африканиста Марселя Гриоля. Она показалась мне точной, и я зачитал ее Фрэнсису. «Все верно, – подтвердил учитель, – я тоже недавно читал что-то такое: у белых развито абстрактное мышление, а у нас – символическое. Символ – это *сунсум*!⁷²»

Фрэнсис любил «сунсум», любил вести многочасовые беседы о духовном, ибо был не только преподавателем, но и пастором по совместительству. В этой второй ипостаси и видел свое истинное предназначение. Поэтому уроков в школе он почти не вел, от учеников требовал в первую очередь, чтобы те не мешали ему готовиться к вечерней службе. И пока усмиранный розгами класс корпел над очередной «классной работой», пастор Обенг отлучался в учительскую, где размышлял, разглагольствовал, вопрошал о духе.

– ...Символ – это сунсум. Знаешь, что такое сунсум?

– Тень?

– Нет, тень – это *сунсумма*. А *сунсум* – это дух. *Сунсум* отличается от *сунсумма*, как *хонхом*⁷³ отличается от *хонам*⁷⁴. Все дело в произношении.

– Юу-у, матэ⁷⁵.

– Уоатэ?⁷⁶ Тогда идем дальше. Дух – *сунсум*, а душа – *кра*.

– Матэ.

– Уоатэ?

– Матэ.

– Что ты услышал? Сунсум и кра – не одно и то же. Кра – это живая душа, а сунсум – проводник, через него кра появляется в мире. Про сунсум можно сказать, что он тяжелый или легкий, про кра так сказать нельзя. Можно сказать: «Его кра пахнет заботой, дыхание не может коснуться земли». Или вот пример: если я говорю о человеке «У него хороший сунсум», я говорю, что он добрый. А если я говорю «У него хорошая кра», это означает, что он удачливый. Уоатэ?

⁷² Дух.

⁷³ Дыхание.

⁷⁴ Тело.

⁷⁵ Понятно (дословно: «я услышал»).

⁷⁶ Ты услышал?

– Матэ.

– Что ты услышал? Сунсум – от слова *сум*⁷⁷. Когда я засыпаю, мой сунсум покидает тело и идет, куда ему нужно. Он может поехать в другой город или встретиться с тем, кого больше нет. Кра остается и наблюдает издали. Поэтому я вижу сны. Сунсум может уйти и вернуться, а кра – нет. Когда уходит кра, человеку не за что удержаться.

По вечерам, представ перед паствой харизматической церкви, школьный учитель перевоплощался в исступленного проповедника, и его сильный голос, усиленный микрофоном, переполнял полуподвальное помещение сейсмическим клочкотанием.

– Во имя Исус-са-а-а!!

– Аминь!!

– ...И-и-исус-са-а-а!

– Ампа!

– Я сказал: Иисус-с-са-а!

– Учи, апостол!

– А-аллилу-й-йя-а-а!

– ...Братья и сестры, – обратился Фрэнсис к пастве, – сегодня я хочу представить вам нового прихожанина. Этот прихожанин – наш гость из Нью-Йорка, обруни⁷⁸. Не просто обруни, а доктор-обруни. Доктор Алекс, или, по-нашему, Квабена. Он приехал сюда, чтобы лечить и молиться вместе с нами. Сейчас он скажет вам несколько слов...

Вот они, учительские замашки, неистребимое желание заставить врасплох, вызвать к доске того, кто заведомо не готов... Я оглядываю толпу, и мой взгляд останавливается на участливой улыбке сторожа Кваме. Батюшки, и он здесь. Взяв микрофон, я мямлю что-то благодарно-невразумительное, но, по счастью, мой лепет немедленно утопает в нарастающей какофонии песнопений и заклинаний. Стуча в бубны, закатывая глаза и воздевая руки, прихожане заходятся в религиозном экстазе, ради которого и пришли. Особенно усердствует сторож, пляшущий из последних сил, то и дело машущий мне: давай с нами. Со стороны действие выглядит и звучит диковато, но вот мне начинает казаться, что я улавливаю мелодию, а еще через некоторое время – различаю слова и даже подпеваю сам. «Сэ мейарэ аа, ма мэ нко, ма мэ нко...» – «Если я захвораю, дай мне уйти, дай мне уйти...»

...Врачевание в цирюльне заняло все утро, и я был уверен, что тетки с базарной площади, если и были в клинике, давно отправились восвояси. Однако: «Папá, тебя какие-то женичины спрашивали. Я им сказала, что доктора нет и им лучше прийти завтра. Но они сказали, что будут ждать. Мне кажется, они хотят, чтобы ты посмотрел их детей. С детьми плохо, папá, с мальчиком особенно. Я померила температуру – сорок один. Я их отвела в процедурную. Ты уж ими там займись, а я тебя тут подменю». Спасибо, тетя Брета, спасибо, спасибо!

Эту партию, Энтони, я заранее не проигрывал, но кое-чему за время ночных дежурств от тебя научился. Во всяком случае, последовательность ходов в дебюте не вызывает сомнений. Первое: ввести физраствор, сделать инъекцию хинина, поставить свечи с парацетамолом. Второе: анализы крови на уровень гемоглобина и лейкоцитов, толстый мазок, тест Видала... Только что-то никто не торопится выполнять мои распоряжения. «Эсе сэ уооном чуа, докета, эдру но бо йе дэйн додо...» Сначала матери пациентов должны оплатить лечение, выкупить медикаменты. Но у матерей денег нет и быть

---

⁷⁷ Тьма.

⁷⁸ Иностранец, белый человек.

не может. В конце концов, десять седи меня не разорят. Лаборант Кведжо отводит меня в сторонку.

– Доктор Алекс, я не собираюсь говорить тебе, что тебе делать, но у нас так не принято. Доктор не должен платить. Это нехорошо для тебя и для них, поверь мне.

– Верю, Кведжо, но, прости, в данный момент мне проще заплатить. Я заплачу, а ты, будь добр, проверь мазок и тест Видала.

– Нет, доктор Алекс, лаборатория закрыта. Пусть приходят завтра.

– Кведжо, я услышал и я благодарен тебе за совет. Но я предпочитаю заплатить. В том числе и лаборатории. Сколько я должен лаборатории, Кведжо?

Кведжо отворачивается и называет цену механическим голосом: пять ганских седи. Где пять, там и семь. Пока Кведжо угрюмо возится с анализами, я выкупаю две таблетки ципрофлоксацина (на случай, если это брюшной тиф); о внутривенных антибиотиках в Эльмине говорить не приходится. «Это лекарство может помочь. Я прошу вас проследить, чтобы дети приняли таблетки и ни в коем случае их не выплевывали». Теперь узнать о переливаниях крови (на случай, если малярия). У нас их не делают, это понятно, но что, если удастся связаться с Центральным госпиталем в Кейп-Косте. Через пять минут, не дозвонившись до госпиталя и вернувшись в процедурную, я застаю душераздирающую сцену насильственной кормежки: крошка от ципрофлоксацина размазана по недовольной рожице пациента. «Если брыкаются, значит, выздоравливают», – подбадривает Абена.

Но брыкается только девочка; состояние мальчика ухудшается со скоростью состава, летящего под откос. После хинина и двух литров физраствора он даже не открывает глаз, только еле-еле морщится в ответ на болевые стимулы. Все это время одна из медсестер зудела о зрячности наших стараний, и теперь в моей голове впервые проносится мысль о том, что старуха, возможно, права; и одновременно с этой мыслью мать мальчика начинает рыдать – видимо, и она только что поняла. «Ты сама во всем виновата, – срывается Абена, – раньше надо было думать!»

Посыльный приносит листок с результатами анализов: «Заражение плазмодием, паразитемия 4+. Гемоглобин 6,5 г/дл». Это значит: без переливания крови – пиши пропало. До Центрального госпиталя черта с два доберешься, к тому же у меня заканчиваются деньги, на такси не хватит. «Что же у вас, авураа – или как мне вас величать, – совсем ни копейки? Одеты вроде прилично. Неужели нет ни гроша для собственного ребенка? Или вы настолько привыкли, что белый доктор все устраивает и оплачивает? Да как вам не стыдно, в конце концов?» Мать ребенка безденежна и безутешна. Не вполне понимая, что делать дальше, я покупаю еще литр физраствора, ампулу хинина и запас жаропонижающего.

– Двенадцать ганских седи, – с расстановкой произносит аптекарь.

– В прошлый раз было десять!

– В прошлый раз хинин был местного производства. Но тот хинин закончился, остался только импортный. Двенадцать ганских...

– Да я понимаю, что не нигерийских!

– Оставь, я заплачу, – неожиданно вмешивается Кведжо.

5

«Неудивительно, что вас это удивляет», – говаривал один мой знакомый из прошлой жизни. Удивление не удивительно. Удивительна забывчивость, позволяющая за какой-нибудь месяц привыкнуть к тому, что годами казалось невероятным. К тропическим зарослям и проселочной дороге, вымощенной кокосовыми скорлупками. К львиноголовым гекконам, шныряющим по дому в качестве питомцев. К больничному приему – по пятьдесят пациентов в день: тиф, малярия, дракункулез... К тому, что есть полагается руками, точнее – правой рукой, из общей миски, а спать – на циновке. К руинам колонизации и отсутствию канализации.

К тому, что гостеприимство обозначается словом *ахохойе*, которое дословно переводится как «здесь-бытие». К этому «здесь-бытию» на краю света, где сосед в разноцветной пижаме и феске может в любой момент нагряться с визитом и, ни слова не говоря, развесить белье у тебя во дворе или состряпать себе еду на твоей плите из твоих же продуктов. Где в три часа ночи раздается петушиная побудка, а в шесть утра – дискант соседских «лазутчиков»: по традиции младшему в семье надлежит начать день с обхода всех хижин в округе, справиться о здоровье каждого из соседей и, вернувшись домой, представить подробный отчет. Где «болезни духа» лечат снадобьем из обезьяньих костей, а уж если и это не помогает, жители деревни снаряжаются в многодневный поход и, по очереди взваливая больного на спину, тащат его за тридевять земель – в ближайший медпункт.

К послеобеденным историям Люси и проповедям Фрэнсиса, к обязательным сказкам про паука Анансе, которые могли затянуться на два часа, а при участии студента-медика Кваме Бремпонга – и на все четыре. Никто, включая Юнис, не относился к этим сказкам серьезней, чем Кваме-Маленький. Его серьезность была сочетанием исследовательской въедливости с простодушной впечатлительностью. Если бы не медицина, из него мог бы выйти хороший этнограф-африканист.

Кваме приехал из штата Нью-Джерси по той же волонтерской программе, что и я. «Как, еще один Кваме?» – удивилась Юнис. И правда: к моменту прибытия американского гостя в доме Обенгов уже имелся не один, а целых два Кваме – сторож на крыльце и принц на музейном портрете. С принцем Кваме Опоку американского Кваме роднил не только субботний день рождения⁷⁹, но и определенные факты биографии. Подобно легендарному тезке, Кваме Бремпонг был уроженцем Кумаси, вывезенным из страны в детском возрасте; и так же как Опоку, всю жизнь мечтавший о санкофа, американский Кваме прибыл в Эльмину, чтобы найти свои корни и заново выучить родной язык.

Для ганцев он был обруни-бибини – чернокожий обруни, африканский неафриканец. Каждый год сотни, если не тысячи, таких же чернокожих обруни совершают паломничество в нищий городок на побережье Гвинейского залива, где в 1482 году была построена первая в Африке невольничья крепость. Пять с половиной веков спустя эта крепость никого не пугает; воображению приходится как следует потрудиться, чтобы приблизить ужас исторического контекста. В прохладном небе над бастионом носятся стрижи. По левую руку виднеется дикий пляж, разлетающиеся брызги огромных волн. По правую руку – причал и рыбацкий поселок, за которым начинается сама Эльмина, кажущаяся отсюда столь живописной. Рыболовные сети, шхуны и пироги, красно-бурая латеритная почва. Запах дыма и жареной кукурузы. Детвора гоняет в футбол, пока те, кто постарше, режутся в шашки или чинят допотопный «фольксваген». Местные ловкачи встречают заморских братьев у крепостной ограды, предлагают экскурсии, продают брелки и подвески с мемориальной надписью: «Форт Эльмина 2010 – в память об участии, что постигла наших предков». Я сфотографировал сувенир крупным планом, но

⁷⁹ Именем Кваме называют мальчика, родившегося в субботу.

покупать не стал, то есть повел себя, как подобает обруни. Кваме лишь покачал головой и двинулся дальше.

Администратор клиники, смешливый и жуликоватый мистер Кооси, определил новопривышего волонтера ко мне в «отделение» (до этого отделение состояло из меня и Абены).

– Раз обруни, два обруни, – сказал Кооси, прихихатывая, – теперь вы сможете говорить по-английски, сколько вам влезет!

– Адэн? Ибэка фантсе⁸⁰, – гордо ответил я.

– Чале, ше, обруни фитаа йи сисиуо!⁸¹ – захохотал администратор, изо всех сил трясая безответного Кваме.

Все общение в клинике происходило на чви, и именно это обстоятельство послужило нам с Кваме поводом для дружбы. Можно сказать, что мы нашли общий язык, которого оба не знали – каждый по-своему. За год, проведенный среди ганцев, я научился довольно бегло изъясняться на аканском наречии, но стоило местному жителю немного ускорить темп речи, как я моментально терял нить беседы. У Кваме все было наоборот: родители всю жизнь говорили с ним на чви, а он, как и большинство эмигрантских детей, отвечал по-английски. В результате он абсолютно все понимал и решительно ничего не мог сказать. Получился идеальный тандем: я переводил с английского, Кваме – на английский. Местный житель глядел на нас как на цирковое чудо и издавал гортанное «ий!», выразившее крайнее удивление.

По вторникам все лавки в городе закрывались в полдень – обычай, связанный с культом бога воды, почитавшегося наравне с «И-и-сус-са-а». Закрывалась и клиника, но рабочий день на этом не заканчивался: наша помощь была востребована в другом учреждении, именуемом в народе «домом отдыха». Учреждение находилось в поселке Анкафул на расстоянии тридцати километров от Эльмины.

Около часу дня по Трансафриканской магистрали проезжала маршрутка тро-тро; из окна с пассажирской стороны высовывался голый по пояс подросток и выкрикивал пункт назначения: «Анкафул, Анкафул, Анкафул!» Салон тро-тро был так забит, что казалось, еще одно тело смогло бы войти сюда разве что в расчлененном виде. Тем не менее место всегда находилось – где-нибудь между старичком с козой на руках и другим старичком, обнимающим телевизор. Более того, на протяжении следующих тридцати километров маршрутка продолжала останавливаться на каждом углу и подбирать пассажиров. Подросток-заправила собирал проездную плату, показывая размер тарифа на пальцах одной руки, как будто беспрестанно играя в «камень-ножницы-бумагу». При этом другая его рука сжимала гнилую веревку, на которой держалась пассажирская дверь.

Дорога шла у самого берега, огибая участки, засаженные арахисом и маниоком, бугорки окученного ямса, укрепления из песчаника и гальки. Два шелестящих звука – звук прибоя с одной стороны и отдаленный шум шоссе на Аккру с другой – сливались в единый всепроникающий шелест.

– Всё далеко, – сказал Кваме, – хотя и кажется очень знакомым.

– Привыкнешь. Тебе-то сам Бог велел. Через месяц будешь как рыба в воде.

– Хм... У моего отца такая поговорка есть: «Как рыба в воде, только в кипящей...»

– Это потому что тропики. Жарко.

– Разве? По-моему, сегодня терпимо.

– Да нет, это шутка была: в кипящей воде, потому что в тропиках... Ладно, проехали.

– А-а, ну да... – Кваме прислонился к стеклу. – Нет, все-таки знакомого мало... Я смотрел один фильм, не помню, как он назывался. Там главному герою отшибло память, но никто из его

---

⁸⁰ Зачем? Мы будем говорить на фантсе.

⁸¹ Смотри, пацан, как этот белый тебя надул!

близких об этом не догадывается. Просто человек возвращается в прежнюю жизнь, принимает в ней участие, подстраивается под ожидания родных, никого и ничего при этом не узнавая.

– Конечная остановка! – Подросток-заправила отпустил веревку, спрыгнул со своего облучка и принялся помогать высаживающимся пассажирам.

...Очевидно, с таксистом, подъехавшим к дверям клиники и утвердительно кивнувшим в ответ на мою безумную просьбу отвезти нас в Центральный госпиталь (а почему не на луну?), договорился Кведжо. Или Абена. Что не я, это точно. Я лишь тупо перетряхивал и перехлопывал все карманы – нет, не звякает. Брезгливо поморщившись, таксист сделал успокоительный жест рукой: в следующий раз заплатишь.

В машине мальчику полегчало – то ли подействовала дополнительная доза хинина, которую я, вопреки правилам дозировки, ввел перед выездом, то ли просто ненадолго «отпустило», как это обычно бывает при малярии. Во всяком случае, он уже не так смахивал на постояльца морга, что значительно усложнило мои переговоры с дежурной по приемному покою.

Я: Этому пациенту срочно требуется переливание крови.

Она: Вы прекрасно говорите на чви!

Я: Спасибо. Вот результаты из нашей лаборатории. Как видите, откладывать нельзя.

Она: Впервые вижу обруни, который так здорово знает чви! Нет, вру, у одной моей приятельницы был шурин из Германии, он тоже неплохо говорил на чви. Но это понятно: у него была ганская жена. Вы тоже женаты на ганке?

Я: Вы что, меня не слышите?

Она: И-и, да это же новичок, свежая рыбка! Откуда же тогда такой чви?.. Вы не волнуйтесь, доктор. Больной в надежных руках. Мы сделаем всё, как вы сказали.

Я ей не верю. И не только ей. Или я не видел, как безденежная мать доставала из сумочки новый мобильный телефон? Ладно, пойду погуляю по территории госпиталя, а через час вернусь проверить.

Через час дежурная сидит, где сидела, а ребенок лежит на тех же носилках, где я его оставил. Единственное, что изменилось в обстановке за время моего отсутствия, – это уровень шума: к дежурной пришла подруга, а к мальчику прилетели мухи, и теперь они жужжат в унисон.

– Скажите, вы собираетесь делать ему переливание?

– Конечно, собираемся. Сейчас принесут капельницу, и сразу будем делать.

– В таком случае скажите мне, пожалуйста, какая у него группа крови и кто будет донором?

– Да что вам от нас нужно? – Дежурная переходит на английский. – Вы приезжаете в нашу страну – зачем? Я знаю зачем. Вы печетесь об африканском ребенке, для вас он – символ, и, если он выживет, это будет вашей победой. Я это понимаю, но мы – не те, с кем вам надо бороться... Сейчас почти восемь вечера, прием посетителей окончен. Вы не работаете в этой больнице и должны уйти. Если хотите, можете прийти за своей победой завтра утром. Начиная с восьми утра.

Дежурная сдержала слово; через несколько дней шестилетнего Квези Овусу-Боатенга, окончательно выздоровевшего, выписали из больницы.

От остановки «Поселок Анкафул» до самого поселка – добрых пять километров. Этот отрезок пути закрыт для любого транспорта, кроме двухколесного и парнокопытного. В благоприятное время года, между харматтаном⁸² и сезоном дождей, иной смельчак на внедорожнике нет-нет да отважится попытать удачу – и вот деревенские сорванцы уже несутся навстречу с праздничным улюлюканьем: результат автозабега им известен заранее.

Какой-то остроумец окрестил это место «Невозвращенцами» («Нкоамма»), прикрепив к стволу раскидистого дерева одум картонный указатель: «Нкоамма ко уэним тээ»⁸³. Смысл названия открывается не сразу, а метров через сто, когда из тропического чернолесья выплывает глинобитное здание с двухъярусной окраской: темный низ, белый верх. Это здание – детдом, а название – отсылка к традиции. К легенде о детях-духах окобайе, сиречь «возвращенцах»; к обычаю ограждать новорожденного от болезней с помощью ритуальной скарификации. Увы, никаких окобайе со шрамами на щеках – символами родительской заботы – здесь не увидишь. Наиболее распространенные среди детдомовцев имена – Йэмпэу («Тебя-не-хотели») и Адийза («Тот-кому-горевать»). Это они, Йэмпэу и Адийза, бросаются навстречу редкому автомобилю в надежде сбыть товар (жвачки, брелки, печенье, питьевую воду), с которым их каждый день отправляют в мир – после или вместо занятий. Это они сидят по краям дороги возле разнообразной завали, выставленной на продажу. Впрочем, не только они. Сверстники из близлежащих деревень промышляют тем же самым.

Это «лесные» деревни: по мере удаления от побережья тропический лес становится все гуще, все больше растений, имеющих название только на чви и латыни. Здесь начинаются джунгли, в которые почти не проникает свет, и поэтому, пока находишься в них, жары не чувствуешь, но пот течет в три ручья. Деревенские целители знают этот лес как свои пять пальцев. Если продолжать на север, экваториальные леса сменяются саванной, пальмы – баобабам и деревом ши, корнеплодные культуры – просовыми, зеленый цвет – песком Сахеля, прямоугольные постройки ашанти – круглыми саманными домиками и суданской архитектурой песочных мечетей, христианство – исламом, английский язык – французским. Если продолжать на север, говорил Фрэнсис, можно никогда не вернуться. Фрэнсис Обенг – не из деревни, но и он при желании мог бы водить экскурсии по джунглям не хуже иного колдуна-травника. Вот дерево очвере, чья кора используется для лечения астмы; вот шейн-шейн, чью кору дают жевать при родах (деревенский вариант окситоцина). Вот прекесе, испытанное средство от гипертонии. Вот целебный гриб домо, растущий на масличной пальме. Вот шерстяное дерево, спальное дерево, дерево-ночь... Вот первозданная глушь и африканская теодицея, переложение «Божественной комедии» на местный язык: «...Вскоре я очутился на окраине леса, и тьма этого леса была богом».

⁸² Сухой пыльный ветер, дующий в Западной Африке с декабря по февраль.

⁸³ Невозвращенцы: следовать прямо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.